

Казанский государственный университет
Институт востоковедения
Факультет татарской филологии и истории

Искандер Гилязов

Тюркизм: становление и развитие
(характеристика основных этапов)

Учебное пособие для студентов-тюркологов

Казань

2002

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Понятие тюркизма

Зарождение тюркизма

а) Зия Гёкалп

Тюркизм в России

а)Исмаил Гаспринский

б)Юсуф Акчура

в)Али Хусеинзаде

Тюркизм и политические события первой четверти XX в.

Тюркизм в 20-30-е годы (после провозглашения Турции республикой и создания СССР).

Тюркизм в годы второй мировой войны. Тюркизм и нацистская Германия.

Эволюция учения тюркизма после второй мировой войны.

Введение

Проблема формирования нации и национального самосознания не теряет своей актуальности как для науки, так и для общественного мнения.. В настоящее время в научно-исследовательской литературе существуют различные подходы к этим сложным проблемам, и рассматриваются различные ее аспекты. Современные тюркские народы – и проживающие в пределах Российской Федерации, и в самостоятельных государствах, прошли довольно большой исторический путь становления. Со времени великого переселения народов, с III-IV вв. н.э., предки современных тюрков расселялись на огромных просторах Европы и Азии, создавали свои государственные образования, которые оставили свой глубокий след в истории (можно вспомнить здесь Тюркский каганат, Хазарский каганат, Волжскую Булгарию, Джучиев Улус (Золотую Орду), Казанское ханство, Крымское ханство и др.). К концу XIX в. на международной карте осталось лишь одно независимое тюркское государство – Османская империя (Турция). Остальные тюркские народы в абсолютном большинстве проживали на территории Российской империи, а потом и в СССР.

Разные факторы - социально-экономические, политические, культурные - в разное время играли свою роль в становлении тюркских наций. Одним из важных идейно-политических течений, которое сформировалось в конце XIX – начале XX вв. и которое в какой-то исторический момент сыграло интегрирующую, сближающую для тюрков роль, было течение тюркизма (пантюркизма). Возникнув как культурно-просветительская идеология, тюркизм приобрел важные политические функции в бурных событиях первой четверти XX в. Учение тюркизма затрагивало коренные интересы Османской империи (затем – Турецкой республики), Российской империи (затем СССР и современной России), поэтому и официальная

власть этих стран не только должна была постоянно следить за эволюцией тюркизма, но и вмешиваться, порой довольно решительно, в его судьбу. Идеология тюркизма выдвинула и крупных мыслителей, внесших свой неповторимый вклад в его эволюцию. На протяжении столетия можно наметить разные качественные этапы в развитии идеологии тюркизма, определявшиеся не только внутренним ростом и становлением, но и внешними, политическими влияниями на него. Цель настоящего пособия – дать характеристику наиболее важных этапов становления и эволюции идеологии тюркизма, охарактеризовать взгляды и вклад наиболее крупных теоретиков тюркизма в Турции и России, а также выявить взаимоотношения между учением тюркизма и государственной властью указанных стран.

Для отечественных исследователей тема изучения тюркизма по-настоящему начала подниматься лишь в последнее десятилетие. Только недавно стали доступными труды многих идеологов тюркизма, стало возможным опубликовать теоретические труды И.Гаспринского и Ю.Акчуры. Большой вклад в изучение идеологии тюркизма внесли и вносят такие современные авторы как Р.Ф.Мухамметдинов и С.М.Червонная, труды которых активно использовались при подготовке данного пособия.

В пособии автор ставил себе целью в краткой форме представить историческую эволюцию учения тюркизма, которое оставило значительный след в прошлом тюркских народов Евразии. Для этого приведены основные факты, сведения об идеологах и лидерах тюркистского движения в России (СССР) и Турции, и дана общая характеристика взглядов этих деятелей с приведением большого количества цитат из их трудов.

Понятие тюркизма

В силу различных причин политики и историки вкладывали и вкладывают в понятие «тюркизм» разный смысл – от резко негативного до восторженно-апологетического. Сразу следует говорить, что в отечественной историографической традиции вплоть до настоящего времени господствовала отрицательная оценка содержания этого идейно-политического движения (особенно заметна эта тенденция была в советской историографии). Тюркизм (или чаще пантюркизм) интерпретировался как экспансионистское движение тюркских народов во главе с Турцией, ставящей своей целью проведение шовинистической политики в отношении других государств и народов, а в конечном счете создание на обширных пространствах Евразии общетюркского государства - Туран. Особенно в историографии 40-70-х годов, когда уже само понятие «национализм» принимало негативную окраску, термин «пантюркизм» фактически отождествлялся с расизмом и фашизмом. Такая позиция, конечно, была вызвана к жизни политико-идеологической необходимостью и по-настоящему навязана коммунистической идеологией, и в настоящее время она должна быть отвергнута.

Наиболее точные определения «тюркизма» даны следующими авторами:

Чарлз У.Хостлер: «Движение, стремящееся к политическому и культурному единству всех тюркоязычных народов»;

Якоб Ландау: «Движение, целью которого является создание объединения, союза – на культурной, психологической (или на обеих вместе) основах – народов тюркского происхождения»;

Рафаэль Мухамметдинов: «Система идей, проистекающих из признания общности этнического происхождения, родства языков и близости культур тюркских

народов и пропагандирующих единство, братство и сотрудничество этих народов, а также направленных на защиту их свободы и независимости и способствующих их продвижению по пути прогресса и процветания».

«Тюркизм» можно рассматривать и в контексте понятия «пантуранизм», автором которого является венгерский востоковед-тюрколог Арминиус (Армин) Вамбери. Правда, само слово «Туран» имеет довольно большую историю: у персов слово «Туран» означало мир кочевых тюрков, противостоявший Ирану. Мир этот представлялся темным, диким, варварским (именно с таким оттенком оно употребляется в поэме Фирдоуси «Шах-наме»). Туранизм в Венгрии сформировался в годы первой мировой войны как своеобразный ответ панславизму и фактически означал идею единства тюркских и угро-финских народов. Так что с содержательной точки зрения понятие «тюркизм» более узкое, чем понятие «туранизм». Хотя в исследовательской литературе, в том числе и у авторов-сторонников идеи тюркского единства, нередко встречается смешивание двух похожих терминов.

Определенную границу следует, по-видимому, проводить и между понятиями «пантюркизм» и «тюркизм» (хотя по сути своей это одно и то же), И все же, учитывая устойчивость стереотипов недавнего прошлого лучше, вероятно, употребление чуть более нейтрально и более точно звучащего понятия «тюркизм». Правда, с учетом всего вышесказанного, понятия «тюркизм» - «пантюркизм», «туранизм» - пантуранизм» будут ниже употребляться в качестве синонимов (если это не будет оговариваться специально)

Зарождение тюркизма:

Формирование идеи тюркизма напрямую связано с политической судьбой Турции (Османской) империи и тюркских народов России. Кризис Османской

империи к концу 19 в. вызывал у многих политиков и ученых стремление разработать собственную идеологию, которая смогла бы укрепить государство.

Фактически провозвестниками и предшественниками тюркизма можно считать турецких историков, которые впервые обратили внимание на многообразие тюркского мира. Ахмед Вефик (1823-1891), профессор истории Стамбульского университета, объяснял своим студентам, что османы являются лишь одним из племен большого тюркского народа, а их язык – лишь диалект того языка, на котором говорят миллионы людей за пределами Турции. Сулейман Паша (1836-1892) в своей книге «Тарих-и алам» («Всемирная история», 1876 г.), например, освещал доисламскую историю тюрков. Джевдет Паша (1822-1895) в исследовании «Каваид-и османие» (Османские правила) писал о становлении османского языка. Писатель и генерал Мустафа Джелаледдин Паша (польский эмигрант Константин Борецкий) (1826-1876) много писал о тюркской истории и о влиянии тюрков на западный мир. В своем труде «Древние и современные турки», изданном на французском языке, он вообще утверждал, что истоки современной цивилизации следует искать в тюркской истории, и что тюрки очень сильно повлияли на становление современных европейских языков и культур. Джелаледдин Паша одним из первых предложил очистить турецкий язык от арабизмов и фарсизмов (своему сыну он писал письма на турецком языке латинскими буквами уже в конце 60- - начале 70-х годов XIX в.)

Значительное влияние на турецких интеллектуалов второй половины XIX в. оказали и работы европейских авторов. Исследования знаменитого венгерского тюрколога Арминиуса Вамбери (1832-1913) знакомили турецких читателей с тюркскими народами Центральной Азии и России. Труд французского историка Леона Кауна «Введение в историю Азии, тюрков и монголов» дал мощный толчок для изучения тюркской истории в Турции. В конце 60-х годов XIX в. эта книга

пользовалась в Турции огромной популярностью и была переведена с французского языка на турецкий. Каун возвеличивал деяния Чингиз-хана и Тимура, представляя их как «сверхлюдей», а монголов определяя как «расовую аристократию». Тюркские народы, на его взгляд, являются прямыми потомками монголов. В описании Кауна тюрки гораздо лучшие воины, чем арабы или персы. Как считал французский историк, арабы с помощью Корана отравили тюркские народы, заставили их потерять свои национальные чувства, ослабили их и тем самым воспрепятствовали созданию мировой Тюркской империи. В книге Кауна самая высокая оценка дана и достижениям тюрков в сфере культуры и искусства. По мнению некоторых исследователей, именно Каун напрямую способствовал зарождению в среде турецкой интеллигенции идей тюркского единства.

В 1876 г. в Турции была принята конституция, по которой все граждане объявлялись равными вне зависимости от национальности, расы и вероисповедания. В основе ее лежала идея «османизма» (т.е. все граждане страны должны были быть преданы султану и идее единого государства). Но христианским подданным империи эта идея оказалась чуждой. Поэтому взамен ее официальной властью была предложена идея религиозного единства – исламизма, что особенно проявилось в факте отмены султаном Абдулхамидом 2 конституции 1876 г. Но и исламизм вряд ли мог привлечь многих подданных Османской империи, стать подлинно объединяющей идеей. Как попытку восстановления конституции, а значит и возрождения османизма, можно рассматривать младотурецкую революцию 1908 г. Балканская война 1912-1913 гг., приведшая к потере Турцией практически всех своих европейских владений, и, наконец, начавшаяся в 1914 г. первая мировая война явственно показали, что для Турции ни идея османизма, ни тем более исламизма не стали по-настоящему привлекательными. Поэтому тогда в обществе вызревает идея тюркизма, даже, скорее, туркизма, которая должна была укрепить государство,

повысить национальное самосознание турок. Все это в дальнейшем и привело к появлению национального турецкого государства. Так что тюркизм в Турции кристаллизуется вначале не как общетюркское движение, а политическая доктрина «внутреннего пользования».

Наиболее заметным представителем тюркизма в Турции начала XX в. являлся Зия Гёкалп.

а) *Зия Гёкалп* (1876-1924) - поэт, историк, политик. Самые значительные его теоретические труды – это сборник статей «Тюркизироваться, исламизироваться, модернизироваться» (опубликована в Стамбуле в 1918 г.) и «Основы тюркизма» (1923 г.).

Зия Гёкалп (его настоящее имя - Мехмет Зия) родился в турецком провинциальном Диярбакыре, где проживало немало курдов и армян, и сама обстановка способствовала появлению интереса к национальным проблемам. Уже в раннем возрасте Гёкалп попал под влияние революционно настроенных политиков и мыслителей, для которых Диярбакыр являлся местом ссылки. С 1896 г. будущий политик проживал в Стамбуле, где поступил в Ветеринарную школу. Здесь он становится в ряды политической оппозиции и выступает за революционный путь свержения султанского режима, за идеи демократической конституции. Не случайно, что уже тогда он подвергается преследованиям и приговаривается к годичному тюремному заключению. После этого он был отправлен в ссылку в родной Диярбакыр. В 1908 г. Гёкалп был приглашен в Салоники на съезд партии «Единство и прогресс», и избран в состав ее центрального комитета. К этой партии он принадлежал до ее роспуска в 1918 г. В период Балканской и первой мировой войны Гёкалп проявлял очень высокую активность, занимаясь различными социальными, правовыми и культурными проблемами. После окончания военных событий он был

арестован союзниками и вместе с другими турецкими националистами сослан на Мальту. После победы Мустафы Кемалья Ататюрка в 1921 г. Гёкалп получил возможность возвращения на родину. Правда, бывшие лидеры партии «Единство и прогресс» не пользовались в кемалистской Турции особой популярностью, так как в основном на них возлагали здесь вину за поражение в войне. Поэтому Гёкалп возвратился в Диярбакыр. Здесь он занимался преподавательской и журналистской деятельностью. В июне 1922 г. здесь же он начал издание еженедельного журнала «Кючюк межмуа», в котором всячески поддерживал политику Мустафы Кемалья. Зия Гёкалп скончался 25 октября 1924 г.

Политические взгляды Гёкалпа сложились на основе глубокого изучения им наследия многих европейских, в первую очередь французских философов и социологов. Идеи тюркизма как объединяющего фактора формировались в его сознании довольно долго. У французских философов он воспринял мысль о божественности общества, правда, он заменил при этом термин «общество» на термин «нация». В его ранних работах присутствует своеобразное раздвоение: с одной стороны, здесь присутствует идеал османского национального государства, а с другой – признание нации как высшей духовной и светской ценности. Постепенно, однако, у Гёкалпа заметен отход от османского идеала. Это можно связать с активизацией национальных движений внутри империи, которые никак не могли проявить лояльности к верховной власти. Гёкалп пришел к мысли, что государство может существовать только тогда, когда оно основывается на одной нации. Поэтому, на его взгляд, распад Османской империи был неизбежен.

Считается, что как истинный теоретик тюркизма Гёкалп сформировался в период Балканской войны 1912-1913 гг., хотя уже в 1911 г. в работе «Новая жизнь и новые ценности» он изложил основы своих взглядов. Что же лежало в их основе?

По мнению Гёкалпа, на протяжении веков тюрки утратили многие из своих прежних традиций, воспринимая традиции других народов. «Свершив много завоеваний, духовно мы сами были завоеваны» - считал он. Поэтому основной задачей всех тюрков является возвращение к своим корням, «познание самих себя», воссоздание «тюркской души» в чистом виде. При этом он идеализировал доисламское прошлое тюркских народов, их политические и культурные достижения, «героические деяния» Атиллы, Чингиз-хана, Тимура, Бабура и османских султанов.

По мнению Гёкалпа, важнейшим интегрирующим фактором для тюрков должен являться язык, и в языковой независимости он видел основное условие независимости политической. И язык в национальном государстве должен быть модернизирован, очищен от неразумных чуждых влияний. Гёкалп считал ненормальным, что в одном государстве уживаются фактически два языка: османский с большим количеством арабских и персидских заимствований и повседневный турецкий, на котором говорит большинство населения. Все социальные группы в его понимании должны были использовать один язык. В то же время очищение языка от чуждых влияний должно было быть проведено разумно, а не огульным отрицанием всех заимствованных слов.

Поскольку государство для Гёкалпа фактически являлось синонимом нации, он категорически выступал против многонациональных империй, обреченных, в его понимании, на скорую гибель. Исходя из этого, национальные государства должны поддерживать своих соплеменников в государствах многонациональных. Идеи Гёкалпа, таким образом, имели ярко выраженную тенденцию поддержки национальных движений тюркских народов в России, Персии и других странах.

С политической точки зрения государство по Гёкалпу должно было представлять из себя национальную демократию. Правда, власть должна была

принадлежать не массе народа, а национальной элите, управляющей в интересах нации и руководствующейся в своей деятельности внутренними национальными убеждениями.

Главным постулатом Зии Гёкалпа стала фраза, которую он фактически воспринял у своего азербайджанского единомышленника Али Хусеин-Заде (1864-1940): «Мы принадлежим к тюркской нации, к мусульманскому религиозному сообществу и европейской цивилизации». Подобное объединение трех начал являлось для Гёкалпа очень прагматичным: у западной цивилизации он предлагал воспринимать, например, научные методы и достижения; у мусульманского учения – основные положения веры, но не копировать полностью общеисламские политические, правовые и социальные традиции. Большинство культурных традиций, затрагивающих мораль и чувства человека, должны были быть чисто тюркскими.

Гёкалп нередко излагал свои политические взгляды в стихотворной или романтической форме, так, чтобы они быстрее доходили до читателя или слушателя. Для примера можно привести одну цитату. В стихотворении «Туран», написанном в 1911 г., говорится буквально следующее:

«Впечатления и следы, которые пересекаются в моей крови, являются отражением моей истории. О славных деяниях моих предков я читаю не на мертвых, пожелтевших, запылившихся страницах истории, а узнаю из своего сердца, из моих кровеносных сосудов. Мой Атилла, мой Чингиз, эти героические образы, которые образуют гордую славу моей нации, появляются на запыленных страницах истории, пропитанных недоброжелательством и осквернением, и сама среда покрыла их позором и бесчестьем, хотя на самом деле они ничуть не меньше, чем Александр и Цезарь. Мое сердце лучше знает и Огуз Хана, который для истории остается темным и неясным образом. В моем сердце, в моих сосудах он все еще живет во всем своем

величии и славе. Огуз-Хан – это тот, кто восхищает мое сердце, поддерживает меня, дает мне возможность ликовать: отчизной тюрков является не Турция, не Туркестан, а вечная и огромная страна – Туран».

Зия Гёкалп фактически создал теоретический фундамент тюркизма, в общих чертах легшего в основу современного турецкого государства.

Тюркизм в России

В отличие от Османской империи, где турки являлись главенствующей нацией, и формирование основ тюркизма напрямую было связано с борьбой колониальных народов против турецкого господства и давлением со стороны европейских государств, в Российской империи, наоборот, тюркские народы находились в угнетенном состоянии, испытывая на протяжении веков серьезное давление в сфере культуры и религии, со стороны светской власти и православной церкви. Это давление к середине 19 в. дошло уже до того, что в русском обществе русификация открыто провозглашалась в качестве конечной цели национальной политики. В определенной степени, появление идей тюркского единства, общности происхождения всех тюркских народов стала и ответом на активизацию в России панславизма (славянского единства). На формирование идей тюркизма у российских тюркских народов оказал также влияние общий процесс активизации общественно-политической жизни в империи на рубеже 19-20 вв., а также постепенное формирование национального самосознания у большинства тюркских народов, в первую очередь у поволжских и крымских татар и азербайджанцев.

Культурно-политическое пробуждение тюркских народов России восходит к концу 18 – началу 19 вв., когда в татарской духовной культуре под влиянием серьезных социальных сдвигов вновь формируется светское начало. Фактическими

родоначальниками реформаторства у поволжских татар стали Габделнасыр Курсави, Шигабутдин Марджани, Хусаин Фаизханов, Каюм Насыри. Эти ученые сформулировали необходимость коренного реформирования всей жизни тюркских народов, основной упор делая на сферу просвещения, изменение методов преподавания в школах и содержания преподаваемых дисциплин. Движение реформаторов - джадидизм – не ограничилось в итоге школьной сферой, оно нашло широкий резонанс в обществе и способствовало историческому прогрессу тюркских народов, в какой-то степени подключая их к общеевропейскому культурно-политическому дискурсу.

В условиях развития просветительского движения в среде тюркских народов формируется и новый взгляд на историческую судьбу наций. Основоположником российского тюркизма по праву считается крымско-татарский просветитель, педагог и журналист Исмаил-бей Гаспринский.

а) *Исмаил-бей Гаспринский (Гаспралы)* (1851 – 1914).

Он родился 8 марта 1851 г. в деревне Гаспра в Крыму в семье обедневшего помещика-дворянина Мустафы Гаспралы. Первоначальное образование Исмаил получил в медресе родной деревни, затем в медресе Зинджирли в Бахчисарае, а с десяти лет учился в русской школе в Симферополе. Довелось ему учиться и в Воронежском кадетском корпусе, и в Московском военном училище. Короткое время после возвращения из Москвы Гаспринский преподавал в медресе Зинджирли, а затем для совершенствования своего образования отправился в Турцию и Европу. В 1872 г. он прибыл в Париж, где посещал лекции в университете, занимался в библиотеке, общался со многими деятелями науки и культуры, в том числе и с известным русским публицистом М.Н.Катковым и великим писателем И.С.Тургеневым, секретарем и помощником которого он вскоре стал.

В 1874 г. Гаспринский возвращается на родину, в Крым. Здесь он преподает русский язык в татарской начальной школы Ялты, а в 1876 г. его вновь приглашают для преподавания в Бахчисарай. Авторитет его в городе был настолько высок, что в марте 1878 г. его избирают в городскую Думу, а в феврале 1879 он становится городским головой. Огромное внимание молодой голова уделял улучшению благосостояния города, подъему его культуры и социального статуса. В 1883 г. он добился создания в Бахчисарайской городской Думе Малого совета национальностей, в который входили 34 татарина, 3 армянина, 2 караима и 2 русских. Особое внимание Гаспринский уделял библиотекам и пополнению их фондов. В 1881 г. увидела свет его первая работа «Русское мусульманство», в которой он рассуждал о взаимоотношениях русских и мусульман, о роли просвещения в жизни мусульманских народов. В январе 1884 г. И.Гаспринский открыл первую опытную школу в Бахчисарае, в которой и начал преподавать по новому методу (*усул-и джадид*). Старый метод (*усул-и кадим*) состоял в том, чтобы заучивать Коран и другие религиозные тексты на арабском языке, религиозными наставниками этого считалось достаточно для достижения знания. Заучивание наизусть, таким образом, подменяло понимание приобретенных новых знаний. «Новый метод» основывался на фонетическом принципе чтения и обучения, а также на введении светских предметов, исключенных из программ мусульманских школ. Новометодные школы с того времени начали открываться во многих районах России, а сторонники старых методов - кадимисты - фактически объявили войну реформатору.

Гаспринский создал и первый учебник с новым методом обучения. В новометодных медресе вводились общеобразовательные дисциплины (география, история, педагогика, русский язык, естественные науки), появилось распределение учащихся по классам, расписание уроков, классные доски и журналы,

географические карты и т.п. Новшества пробивали себе дорогу, несмотря не ожесточенное сопротивление кадимистов. Джадиды фактически стали первыми выразителями национального самосознания тюрко-мусульманских народов Российской империи.

Студенты, получавшие образования по новому методу Гаспринского, разъезжались по всей России и открывали новометодные школы. В 1916 г. в Российской империи существовало уже более 5000 джадидских школ, основанных на «новом методе».

В 1884 г. И.Гаспринский был вынужден сложить с себя полномочия городского головы Бахчисарая. После этого он посвятил себя популяризации своего нового метода и дальнейшему просвещению тюркских народов. Он очень много ездил по России, в 1893 и 1908 гг. побывал в Туркестане, посетив Самарканд, Бухару, Ташкент. В Бухаре он принимал участие в открытии новометодного медресе «Музаффария». В 1908 г. он стал одним из инициаторов созыва в Каире мусульманского конгресса, на котором шла речь об усилении роли ислама в моральном воспитании. В 1911 г. Гаспринский посетил Индию, где издал учебное пособие и также открыл новометодное медресе в Бомбее.

В годы первой русской революции Гапринский активно участвовал в политическом движении мусульман Российской империи. Он являлся делегатом трех мусульманских съездов в 1905-1906 гг., одним из основателей общемусульманской политической партии «Иттифак ал-муслимин» («Мусульманский союз»), выражавшей надежды либерально настроенных мусульман, вдохновленных революционными идеями. Надеждам этим, увы, не суждено было сбыться.

Одна из самых замечательных страниц деятельности просветителя связана с открытием первой в России общетюркской газеты «Терджиман»- «Переводчик».

Первый номер газеты увидел свет в апреле 1883 г. Гаспринский видел роль газеты как посредника между различными слоями российского общества, между мусульманами и православными, поэтому дал своей газете столь многозначительное название. В первом номере газеты была провозглашена ее цель – ознакомить тюрков-мусульман с их культурным наследием, а также с техническими достижениями современной западной цивилизации. Второй же целью было знакомство русских читателей с жизнью и культурой мусульманских народов.

Газета выходила поначалу три раза в неделю, а с 1912 г. стала ежедневной. До 1905 г. это была единственная газета тюркских народов России, пользовавшаяся широкой популярностью и доходившая до самых отдаленных районов расселения мусульман. Для издания газеты Гаспринский фактически разработал свой, упрощенный вариант тюркского языка. Идея общего тюркского языка, понятного на огромных территориях миллионам людей, в сконцентрированном виде была выражена именно Гаспринским, и именно он сделал решительные практические шаги в этом направлении. Этот язык основывался, главным образом, на упрощенном турецком языке и был освобожден, насколько это возможно, от арабских и персидских заимствований и был, по словам самого Гаспринского, понятен всем тюркским народам «от босфорских лодочников до верблюжьих погонщиков Кашгара».

Материалы, помещенные в газете, отличаются огромным разнообразием: здесь и новости, и исторические очерки, и географические описания, и этнографические зарисовки, и письма читателей, и статьи на религиозные темы. Здесь отдельно помещались справочники по науке, технике, медицине, культуре, литературе и даже кулинарии, а также словари.

Сам Гаспринский много путешествовал по местам проживания мусульманского населения, изучал жизнь народов, степень их образованности и культуры. Многие из

видных представителей мусульман считали честью для себя называться корреспондентом газеты «Терджиман». Популярность газеты была удивительной - в 1912 г. число ее подписчиков составляло, например, 5000 человек, причем, не только в России, но и в Турции, Египте, Иране, Индии, Магрибе. До самого конца своего издания, до 1918 г., газета сохранила высокий художественный и научный уровень. Престиж «Терджимана», его влияние на современников были огромными. По словам Джамаледина Валидова, «влияние этой небольшой газеты было в тысячу раз значительней, чем то, что было у «Нового времени» или даже у знаменитой британской «Таймс».

Исмаил-бей Гаспринский скончался в 1914 г. накануне первой мировой войны.

Основные идеи Гаспринского можно рассматривать по трем направлениям: модернизация мусульманской общины через реформу всей системы образования; духовное и политическое единение тюркского населения Российской империи; формы взаимодействия российских мусульман с Россией, т.е. русским миром, и Западом. По словам крупного французского исламоведа Александра Беннигсена: «Гаспринский суммировал свои мысли о необходимости объединения тюрк-мусульман Российской империи в одной фразе «Единство в языке, мыслях и действии» (Dilde, fikirde, iste birlik). С его точки зрения, всеобщее и всеисламское единение является единственным средством, которое может спасти не только его маленький крымско-татарский народ, но все тюркские народы Российской империи от уже начинающегося их поглощения и ассимиляции гигантскими русскими массами».

Наиболее спорная часть программы Гаспринского касается взаимоотношений тюрков и мусульман с Россией и Западом. Он никогда не принимал идею, что спасение мусульманских народов заключено в подобострастном копировании европейской цивилизации. Он глубоко осознавал потенциальную силу ислама и был

убежден в том, что упадок мусульманского мира лишь временное явление. И в то же время он понимал, что любой преждевременный конфликт с Россией закончится несчастьем для Крыма и других тюрко-мусульман России. Поэтому Гаспринский призывал к компромиссу, условному сотрудничеству с русским правительством для достижения целей. Он верил, что русские – наиболее передовая из европейских наций, и они менее опасны для мусульманского мира, чем французы или англичане. Но и русским он предлагал не мусульманское подчинение, а партнерство на равных условиях. В сконцентрированном виде взгляды Гаспринского на отношения мусульманского мира с Россией и Западом выражены в его брошюре «Русское мусульманство», изданной в Симферополе в 1881 г.

Удивительно то, что суждения Гаспринского о сотрудничестве с русскими, причем сотрудничестве временном и условном, не нашли должной поддержки ни в царском правительстве, ни среди монархистских партий правого крыла. Его предложения игнорировались.

Особое внимание Гаспринский уделял роли ислама, который, по его мнению, являлся важнейшей составной частью тюрко-татарской культуры. Не так просто даже определить, что для него было важнее в самой идее тюркизма: национальный или религиозный компоненты. С одной стороны, противостояние русификации было для него предпосылкой для сохранения нации, достигаемой через европеизацию воспитания тюрко-татар. С другой стороны, в будущее можно было идти лишь через модернизацию ислама. Таким образом, национальное и религиозное в учении Гаспринского тесно переплетались.

Своими идеями модернизации и нового подхода к исламу Гаспринский фактически заложил основу для дальнейшего развития тюркизма.

Учение Гаспринского развил, продолжил и поднял на новую высоту крупнейший татарский историк и политический деятель Юсуф Акчура.

б) *Юсуф Акчура* (1876-1935).

Он родился в Симбирске и происходил из рода крупных текстильных фабрикантов. В 1878 г. скончался его отец, Хасан Акчурин, и в 1883 г. Юсуф вместе с матерью уехал в Стамбул. Здесь он получил начальное и среднее образование, а в 1892-1896 гг. обучался в военном училище. Важно подчеркнуть, что Юсуф Акчура не порывал связей со своей родиной – он неоднократно посещал родные края. Во время пребывания в России он познакомился со многими представителями тюркских народов России, в том числе с Каюмом Насыри и Галимджаном Баруди, генералом Шамилем (сыном имама Шамиля), находился в постоянном контакте с И.Гаспринским. Во время посещения Казани Акчура обучался русскому и французскому языкам, каллиграфии. Он очень много читал (богатую библиотеку имел его дядя Ибрагим в Симбирске), особенно интересовала его литература по проблемам нации, национальной идеи и национальной культуры. В Турции он сблизился с революционным движением младотурков, за что даже подвергался аресту на втором курсе военного училища.

В 1896 г. Юсуф Акчура закончил училище, получил чин старшего лейтенанта и начал свою службу. Интересно, что уже тогда он был близок идее сближения различных тюркских народов и сделал свой первый практический шаг для ее реализации – в 1897 г. в газете «Мусаввер малюмат» с целью знакомства турецкой общественности с жизнью и положением поволжских татар он опубликовал статью о Шигабутдине Марджани.

Тогда же его судьба сделала резкий поворот – в том же 1897 г. Акчура был арестован и по решению султана Абдулхамида 2 вместе с 84 другими осужденными сослан навечно в тюрьму города Триполи (Ливия). Правда, довольно скоро султанский режим несколько смягчил жесткий приговор – после переговоров Юсуф

Акчура был выпущен из тюрьмы и смог жить в Триполи, работая в качестве писаря и учителя. В 1899 г. с группой своих товарищей Акчура бежал сначала в Тунис, а затем и во Францию.

До 1903 г. он проживал в Париже, где основное внимание уделил совершенствованию своего образования - он посещал лекции в высшей школе политических наук и знаменитом Сорбоннском университете. Особый интерес его привлекали философия, политика, социология и история. Как и прежде, Акчура был близок по своим взглядам к младотуркам, довольно много публиковался во французской и эмигрантской прессе: особенно в газетах «Мешверет» (на французском языке, выходила в Париже) и «Шураи Умме» (на турецком языке, выходила в Каире). И именно в Париже молодой ученый активно пропагандировал национальную тюркскую идею, задумавшись о месте национализма и тюркизма в истории тюркских народов. Его дипломное сочинение именовалось «Исследование по истории государственных институтов Османской империи», и автор высказался за федеративное устройство Турецкого государства, иначе, по его мнению, оно было обречено на гибель.

Во время учебы в Париже Юсуф Акчура познакомился с другим крупнейшим представителем татарского национально-освободительного движения, Садри Максуди, также обучавшемся на юридическом факультете Сорбонны. Эту дружбу они пронесли через всю жизнь.

В 1904 г. в преддверии важнейших политических событий, революции 1905-1907 гг., Юсуф Акчура приезжает в Казань, намереваясь лично участвовать в демократическом преобразовании татарского и российского общества. В России он пробыл до 1908 г и успел сделать немало. Почти сразу по приезде, в марте 1904 г., в деревне Зюябаши под Симбирском, он создает свой самый знаменитый теоретический труд «Уч тарзи сязэст» («Три вида политики»). В годы буржуазной

революции 1905-1907 гг. Акчура являлся активнейшим участником и одним из лидеров политического движения мусульман России. Он принимал участие в работе мусульманских съездов, стоял у истоков создания партии «Иттифак ал-муслимин». Он имел все шансы быть избранным депутатом Первой Государственной Думы, но с превентивной целью, чтобы этого не произошло, был временно арестован царскими властями и потому не смог участвовать в предвыборной кампании. С осени 1905 г. Юсуф Акчура являлся редактором газеты «Казан мохбире». Он также преподавал географию и историю в самом известном новометодном медресе Казани - «Мухаммадия», активно поддерживая идеи реформаторства среди студентов медресе – шакирдов.

Когда революция была подавлена, и в России начался период реакции, в Турции наоборот произошли некоторые либеральные изменения - в 1908 г. в стране была провозглашена конституция и некоторые свободы, пробудившие надежды многих демократов. Юсуф Акчура вновь уехал в Турцию, чтобы активно включиться в политическую и культурную жизнь. Здесь он начал издавать один из самых авторитетных и популярных журналов «Тюрк йурду» («Тюркская родина»). Через этот журнал общественность Турции знакомилась с жизнью многих тюркских народов. Акчура не порывал связей со своей родиной – статьи с анализом событий в Турции он отправлял для публикации в газету «Вақыт», издававшуюся в Оренбурге. В Турции он продолжал преподавательскую деятельность – он вел курсы политической и новейшей истории в Стамбульском университете.

В годы первой мировой войны Юсуф Акчура продолжал оставаться в Турции, выполняя важные поручения правительства – так, в 1915-1916 гг. он был включен в состав делегации, отправившейся в Австро-Венгрию, Германию и Швейцарию для защиты интересов военнопленных из тюркских народов России. Любопытно, что во время этого европейского вояжа в 1916 г. Юсуф Акчура встречался в Цюрихе с

В.И.Лениным и имел с ним 4-часовую беседу. Главной темой этой беседы был национальный вопрос и отношение большевиков к национальной проблеме. В 1917-1919 гг. Акчура вновь неоднократно посещал европейские страны по поручению Общества Красного полумесяца для решения проблем турецких военнопленных.

В 1919-1935 гг., проживая в Турции, Юсуф Акчура активно помогал движению кемалистов и созданию республики. После провозглашения Турции республикой он был избран депутатом Милли Меджлиса (Национального собрания), работал профессором Стамбульского университета, советником президента Мустафы Кемалю Ататюрка по вопросам культуры и политики.

Юсуф Акчура стоял у истоков новой исторической науки Турецкой республики. В 1931 г. он принимал участие в создании Турецкого Исторического общества и был избран его председателем. В 1932 г. по поручению президента он руководил работой 1-го Турецкого Исторического конгресса.

Юсуф Акчура скончался 11 марта 1935 г. Имя Акчуры и по сей день окружено почетом в Турецкой республике, и его авторитет ученого-историка непререкаем. Его именем названа одна из центральных улиц столицы Турции – Анкары.

Как уже было сказано, статья Юсуфа Акчуры «Три вида политики» является своеобразным манифестом тюркизма. В данной работе автор вначале выделяет сложившиеся, по его мнению, три направления политической жизни Османской империи, которые могли бы развиваться в дальнейшем:

1. Ассимиляция и объединение наций, подчиненных османскому правительству и создание в результате османской нации;
2. Политическое объединение всех мусульман с учетом того, что султан Османской империи считался номинальным главой – халифом мусульман всего мира;

3. Формирование политической тюркской нации, опирающейся на этнический фактор.

Анализируя каждое из этих направлений, Юсуф Акчура стремится выявить в каждом из них возможность дальнейшей эволюции, политическую целесообразность и полезность для тюркских народов. О тюркском направлении он пишет, например, следующее: «Мысль о создании тюркской политической нации, основанной на этническом принципе, является совершенно новой. Я не думаю, чтобы подобная идея существовала как в истории Османского государства, так и в истории других тюркских государств... Я предполагаю, что в России, где проживает большинство тюрков, идея их объединения существует в очень размытой форме. Совсем недавно возникшая «волжская литература» является больше тюркской, чем мусульманской. Если бы не было гнета извне, эта идея легко развилась бы в более благоприятствующей среде, чем османские провинции, а именно: в Туркестане и бассейне рек Яика (Урала) и Волги, наиболее густо населенных тюрками.(...) Что бы там ни было, идея создания некоей политической нации, опирающейся на этнический принцип, пока еще очень нова и очень слабо распространена». Как видим, Юсуф Акчура довольно реалистичен и осторожен, оценивая современное ему состояние национального политического движения тюркских народов.

Акчура размышляет и над вопросом, какое из указанных направлений наиболее полезно и имеет наиболее четкую перспективу. При этом он принимал в расчет конкретный субъективный момент: «На этот вопрос может дать ответ лишь наша собственная симпатия, другими словами, наше чувство, еще не поддающееся анализу и реальной оценке со стороны разума. Я тюрк, являющийся османцем и мусульманином. Исходя из этого, я хочу служить интересам Османского государства, исламизма и всех тюрков. Но являются ли общими интересы этих трех разных сообществ, опирающихся на политический, религиозный и этнический

принцип? То есть, будет ли усиление одного сообщества способствовать усилению другого?».

Размышляя над поставленными вопросами, Акчюра пришел к выводу, что «работа по созданию османской нации – бесполезное занятие». Большую трудность он видел и в реализации идеи «исламского единства». По его мнению, такую политику ожидает сильнейшее противодействие извне. Как только Османское государство начнет претворять эту политику в жизнь, христианские государства всеми силами будут этому противостоять. И лишь идея «тюркского единства», по мнению Акчюры, имела по-настоящему радужную перспективу: «Основная и наибольшая польза политики тюркского единства заключается в том, чтобы она способствовала объединению тюрков, территория проживания которых охватывала большую часть Азии и Восточной Европы и у которых были бы одинаковые языки, одно происхождение, одни и те же обычаи, а у большинства из них – и общая религия. Таким образом, эта политика способствовала бы процессу формирования большой политической нации, которая была бы способна сохранить себя среди других великих наций. Так как в этом обширном объединении турецкое общество является самым сильным, прогрессивным и цивилизованным, очень важную роль в этом объединении играло бы Османское государство». Интересно, что политика тюркского единства, проводимая Османской империей, в понимании Юсуфа Акчюры, не должна была встретить жесткого внешнего сопротивления: «Что же касается внешних препятствий, то, по сравнению с подобными же препятствиями в политике исламизма, их немного меньше, потому что из христианских государств только у одного, а именно у России, есть мусульманские подданные тюркского происхождения. Поэтому, исходя из необходимости защиты своих интересов, только это государство будет стараться препятствовать объединению тюрков. Что касается других христианских государств, то, возможно, некоторые из них даже поддержат

политику «тюркского единства» из-за того, что она наносит ущерб интересам России».

В то же время Юсуфу Акчуре было нелегко сделать жесткий выбор между «чистым» исламизмом и «чистым» тюркизмом – так же как и Исмаил-бей Гаспринский, два этих течения он видел во взаимосвязи и взаимодействии. «Вопрос, который с давних пор занимал мои мысли и на который я не смог найти убедительного ответа снова стоит передо мной: исламизм или тюркизм – какое из этих политических направлений полезнее и реальнее с точки зрения их претворения в жизнь для Османского государства». Прекрасно понимая выдающуюся интегрирующую роль ислама в жизни тюркских народов, Акчура все-таки отдавал предпочтение идее тюркизма: «Мусульманская религия может стать очень важным элементом в формировании великой тюркской нации. Для того, чтобы ислам мог выполнить подобную функцию в деле объединения тюркского мира, он должен видоизмениться таким образом, чтобы допустить в своем лоне формирование наций, подобно тому, как это происходило в последнее время в христианстве. Что касается этого видоизменения, то оно почти неизбежно: главная тенденция развития, которая просматривается в современной истории – это тенденция развития этносов. Религии как таковые постепенно теряют свое значение и силу. Религии все более и более переносят свою деятельность из общественной сферы в сферу личной жизни человека. Вследствие этого религии могут сохранить свое политическое и общественное значение, лишь объединяясь с этносами, помогая и даже служа им (в России – православие, в Германии протестантизм, в Англии - англиканская церковь, в разных странах –католицизм)».

Итак, в своей работе Юсуф Акчура предстает как последовательный сторонник идеи тюркского единства, которая должна была объединить тюркские народы Российской империи и Османскую империю как единственное независимое

государство тюрков, а в силу этого и инициатор этого объединения. Национальный принцип строительства государства впоследствии лег в основу Турецкой республики. Выступление Акчуры знаменовало переход тюркизма в новую фазу, а именно, от культурно-просветительского (у Гаспринского) в политический тюркизм – *Türkcülük*.

Третьим, наиболее крупным представителем тюркизма в Российской империи можно считать единомышленника Гаспринского и Акчуры азербайджанского ученого Али Хусеин-Заде.

в) *Али Хусеин-Заде* (1864-1940)

Его дед был шейхульисламом закавказских мусульман и жил в Тбилиси, а отец преподавал в мусульманской школе этого города. В доме отца часто собирались азербайджанские интеллектуалы, среди которых был и крупный писатель и просветитель Мирза Фатали Ахундов (1812-1878). Они вели дискуссии о судьбе своего народа, о политической ситуации в стране. Эти беседы оказали огромное влияние на формирование взглядов Али Хусеин-Заде. В 1885-1889 гг. он обучался в Санкт-Петербургском университете, на физико-математическом факультете и одновременно посещал занятия на восточном факультете. После окончания учебы Хусеин-Заде приезжает в Стамбул и в 1889-1894 гг. продолжает учебу в военно-медицинском училище. В 1903-1910 гг. он жил и работал в Баку, а с 1910 г. до самой своей смерти в 1940 г. – в Турции.

Али Хусеин-Заде стал первым азербайджанским мыслителем, который активно интересовался идеями тюркизма и их политической актуальностью для тюркских народов. В 1904 г., же после выхода статьи Юсуфа Акчуры «Три вида политики» Хусеин-заде вступает в полемику с Акчурой, считая несколько искусственным разделение между исламизмом и тюркизмом. В своих более поздних статьях,

опубликованных в газете «Хаят» («Жизнь») в 1905 г. и журнале «Фуюзат» («Плодородие») он сформулировал три принципа, необходимых для выживания и прогресса народа: тюркизм, исламизм и европеизация. По его словам, «этот путь означает, что мы должны быть воодушевлены тюркскими чувствами, верить в ислам и должны обогащать себя плодами современной европейской цивилизации». Обратим внимание, что Хусеин-Заде первым в тюркском мире выдвинул три указанных принципа, которые впоследствии были развиты и дополнены Зией Гекалпом.

Тюркизм и политические события первой четверти XX в.

Хотя родоначальники тюркизма уже и выстроили довольно стройную систему взглядов на движение тюркского мира в сторону единства, это идейное течение никогда не существовало в чистом виде. В ходе исторического развития оно практически всегда переплеталось с другими идейно-политическими доктринами, своеобразно вращалось в процесс национального пробуждения тюркских народов Российской империи. Об этом свидетельствуют конкретные события первой четверти XX в.

Буржуазная революция 1905-1907 гг. всколыхнула всю Россию, в том числе и многомиллионное мусульманское население империи. Революционные события поставили со всей остротой проблемы, которые мусульмане считали для себя наиболее актуальными – политическую и религиозную свободу, реформы в сфере образования и культуры. Революция дала мощный толчок для развития татарской периодической печати, для появления политических партий. Наглядным примером превращения идей тюркской солидарности в конкретное дело борьбы с царизмом стали мусульманские съезды 1905-1906 гг.

Первый съезд происходил в Нижнем Новгороде 15-28 августа 1905 г. В его работе принимало участие более 100 депутатов, представлявших, в основном, буржуазные круги татарского общества. Почетным главой съезда был избран Исмаил-бей Гаспринский, кроме него руководили работой форума Али-Мердан Топчибашев, Абдурашид Ибрагимов и Юсуф Акчура. Съезд потребовал объединения усилий всех мусульманских народов России, стремящихся к проведению реформ, отвечающих требованиям и потребностям молодой либеральной буржуазии. Это съезд фактически положил начало организационному объединению российских мусульман.

Второй съезд был созван в Санкт-Петербурге 13-23 января 1906 г. И вновь председателем съезда был избран Исмаил-бей Гаспринский. Около 100 делегатов представляли татар, народы Крыма, Кавказа и Средней Азии. Этот съезд принял решение о создании Союза мусульман России. Здесь активно обсуждался вопрос об отношении мусульман к работе Государственной Думы.

Третий съезд работал 16-20 августа 1906 г. около Нижнего Новгорода. Съезд принял решение о преобразовании Союза мусульман (Иттифак) в политическую партию, программа которой во многом базировалась на идеологии тюркизма.

Партия, сохранившая название «Союз мусульман» (Иттифак) действовала довольно осторожно, что в российских условиях было далеко не лишним. Она поддерживала образование литературных, просветительских, благотворительных обществ и организаций, таких, как, например, Общество поддержки культурного развития мусульман в Астрахани, провозгласившего своей целью объединение мусульман России на основе общего языка. Эти общества большей частью поддерживали тесные связи друг с другом, и стремились выработать общую позицию.

После подавления революции в России наступает период политической реакции. Понятно, что в данных условиях тюрко-мусульманское движение не могло развиваться свободно, и оно переживает определенный спад. Наиболее радикальную антироссийскую оппозицию составляли в то время азербайджанцы. Из всех тюркских народов именно азербайджанцы проявляли в тех сложных условиях наибольшую активность в области просвещения и школьного дела, в издании газет, в образовании и деятельности политических партий. Из-за ужесточения ситуации многие из политических деятелей, идеологи тюркизма были вынуждены покинуть Россию и эмигрировать в Турцию. В Турции же, наоборот, политический режим стал либеральнее – в 1908 г. была провозглашена конституция, а также некоторые свободы, что дало возможность широкой пропаганды идей тюркизма через вновь созданные общества и периодические издания. Политические эмигранты из России во многом способствовали серьезному оживлению тюркизма в Турции. Среди появившихся тогда обществ можно назвать:

1. «Тюрк дернеги» («Тюркский кружок») (1908-1912). Первым председателем общества был избран Фуад Раиф, первым секретарем – Юсуф Акчура.
2. «Тюрк йурду» («Тюркская родина») (1911 – в 1917 г. влилось в общество «Тюрк оджагы»). Фактически руководителем общества являлся Юсуф Акчура.
3. «Тюрк оджагы» («Тюркский очаг») (1912-1931). Председатель общества Ахмед Ферит, секретарь – Юсуф Акчура.
4. «Тюрк билгиси» («Тюркское знание») (1913-1914) Председателем общества являлся Джелаль Сахир.

Первые два из названных обществ издавали ежемесячные одноименные журналы, а общество «Тюрк билгиси» выпускало журнал «Билги» («Знание»). Общество «Тюрк оджагы» выпускало в 1913 г. еженедельник «Халка догру» («К народу»), а в 1914 г. – еженедельник «Тюрк сёзю» («Тюркское слово»).

Приведем еще такие факты: писательница Халидэ Эдип Адивар опубликовала в это время роман «Новый Туран». Самое свое большое желание она выражает следующим образом: «видеть всех тюрков на свете в политических и культурных отношениях сильными и независимыми». Али Тевфик выступает в периодической печати с серией статей «Дневник тураниста» («Bir turanlinin hatira defteri»). Младотурецкое общество «Йени лисан» («Новый язык») и газета «Генч калемлер» («Молодые перья») активно пропагандировали очистку турецкого языка от арабских и персидских заимствований.

Все сказанное, бесспорно, подтверждает следующее: идеология пантюркизма (туранизма, тюркизма) в канун первой мировой войны пользовалась в Турции большой популярностью и влиянием. Общества и периодические издания совершенствовали и углубляли теорию тюркизма, и она приобретала все более ясные очертания, оказывая влияние на политику Турецкого государства. Вот как, например, сформулирована была задача всех тюркских обществ, изложенная в уставе «Тюркского кружка»: «Задачей общества является стремление изучать и распространять полученные знания о культурном наследии, делах, состоянии, географии как прошлого, так и будущего тюркских народов, то есть путем научных поисков и открытий распространять на весь мир образцы старинной литературы, историю, языки, народную и элитарную литературу, этнографию и этнологию, сведения о социальном положении и культуре тюрков, а также старую и новую географии тюркских стран; стремиться, чтобы наш язык, являясь ясным, простым, красивым, способным выразить научные понятия, обладал структурой, которая бы соответствовала высокой культуре; задачей общества является также исследование структуры языка, исходя из этих целей».

Или же вот как представлена программа действий журнала «Тюрк йурду», составленная, как и устав общества «Тюрк дернеги», Юсуфом Акчурой:

1. Журнал по возможности должен издаваться на тюркском языке, который понятен большинству тюрков. Вследствие этого язык должен быть простым. Тематика журнала должна быть интересной для большинства тюрков. Даже очень сложные вещи должны объясняться простым языком. Одновременно будут учитываться вкусы и потребности интеллектуалов из интеллигенции.
2. Журнал будет стремиться раскрыть тот идеал, который бы воспринят большинством тюрков.
3. Большинство тем журнала будет посвящено ознакомлению тюрков друг с другом, их экономическому и нравственному росту, их обогащению научными и техническими знаниями. Что же касается политики, то эта тема будет разрабатываться позже.
4. В целях взаимопознавания тюрков на страницах журнала наряду со сведениями как о радостных, так и о горьких событиях, происходящих в разных уголках тюркского мира, будут даваться материалы, рассказывающие об идейных течениях, возникающих в разных его областях. Литературные произведения, создающиеся различными тюркскими народами, наш журнал будет делать достоянием всех тюрков.
5. Комментируя внутреннюю политику Османского государства, журнал будет защищать интересы не каких-либо отдельных политических партий, а политические и экономические интересы всех тюрков в целом. Защищая интересы тюрков, журнал будет стремиться, чтобы эта политика не привела к какому-либо непониманию со стороны различных меньшинств.
6. Журнал приложит усилия для развития и поддержки тюркского национального духа у османских тюрков, будет стремиться ликвидировать в их среде лень и пессимизм, порожденные отсутствием у них какого-либо идеала. Журнал сделает все от него зависящее, чтобы спасти эту нацию от того

преувеличенного страха перед Западом, не имеющего в большинстве случаев никакой почвы под собой

7. Главная задача журнала в сфере международной политики – защищать интересы тюркского мира.

Как видим, в 1908-1914 гг. существовала комплексная программа по претворению в жизнь идеалов тюркизма. Важно подчеркнуть, что в тех политических и социально-экономических условиях достижение и реализация указанных задач, вероятно, были вполне возможными, так что тюркизм вряд ли можно считать утопической или мертворожденной идеологией и выдумкой нескольких фантазеров. Это можно связать с тем, что по уровню экономического и социального развития многие из тюркских народов были весьма близки друг к другу, у них были очень схожие политические цели. Правда, некоторые из тюркских наций ушли вперед в социально-экономическом и политическом отношениях, и в силу этого заявляли о своих претензиях на лидерство в тюркском мире. Но при этом они все равно довольно ясно осознавали свою историческую миссию, и свой исторический долг перед остальными тюрками. Причем руководители и идеологи тюркистского движения предпочитали делать первые шаги по реализации своих задач в сфере культурно-просветительской. Они отчетливо понимали, что только взаимопонимание в языковой и культурной областях может дать впоследствии возможность политического и этнического сближения.

Первая мировая война, с одной стороны, значительно осложнила положение идеологов тюркизма, с другой – породила у некоторых радикалов призрачные надежды на то, что реализовать идеи тюркского единства можно, опираясь на военную силу. Самую большую сложность представляло то, что Турция и Россия оказались в состоянии войны. Юсуф Акчура, например, высказывался по этому поводу довольно оптимистично: «Хотя Россия и великая держава, она не

непобедима. Европейские державы, которые находятся в натянутых отношениях с Россией, поддержат тюркистские планы Турции».

Следует также учитывать здесь и тот факт, что турецкий султан, как номинальный глава мусульман всего мира, Халиф, 23 ноября 1914 г. объявил «священную войну» - «джихад» странам Антанты. «Все мусульмане, проживающие в тех областях, в которых они подвергаются гонениям со стороны вышеназванных держав - в Крыму, в Казани, Туркестане, Бухаре, Хиве, Индии, Китае, Афганистане, Персии, Африке и других странах, также как и османцы, должны видеть свой высший религиозный долг в том, чтобы согласно требованиям Корана телом и душой принять участие в священной войне», - говорилось в воззвании султана. Часть пантюранистов восприняла и этот факт с энтузиазмом – они надеялись, что их союзниками в борьбе против России под лозунгами панисламизма станут и арабы, и мусульмане Афганистана, Индии и Северной Африки, и даже часть консервативно настроенных турецких сограждан. «Джихад», однако, не состоялся: ни арабы, ни мусульмане Индостана не спешили присоединиться к «священной войне». А российский муфтий Мухаммадьяр Султанов, наоборот, призвал мусульманских сограждан к защите своего Отечества – России. Известный мусульманский политик Саитгирей Алкин, сомневавшийся в «антиимпериалистической» направленности объявленного «джихада» заявил, что участие в священной войне возможно только в такой случае, когда самому существованию веры угрожает опасность. Таким образом, указанные события показали, что, в сущности, панисламизм и пантюркизм не всегда дополняют, и, тем более, не всегда совпадают друг с другом.

Организованное и окрепшее движение тюркизма сумело даже в тех сложных условиях проводить свою деятельность в интересах сохранения контактов тюркских народов друг с другом. В Стамбуле в 1915 г. был создан «Комитет по защите прав мусульманских тюрко-татарских народов России» („Rusya müslüman Türk-

Tatarlarinin hukukunu mudafaa Komitesi“), который возглавил Юсуф Акчура. Этот комитет проводил традиционные просветительские, политические и пропагандистские мероприятия, но наряду с этим организовал и действенную помощь беженцам из представителей тюркских народов, оказавшихся в годы войны в Турции. Члены комитета выезжали в европейские страны – Австро-Венгрию, Германию и Болгарию, чтобы донести до европейских правительств информацию о бедственном положении тюрко-мусульманских народов России.

Комитет установил связи с «Лигой аллогенов (чуждых, нерусских народов) России» и провел совместную встречу в Стокгольме 9 мая 1916 г. На этой встрече был подписан меморандум, в котором речь шла о религиозном, культурном и социально-экономическом угнетении народов России. Этот меморандум был направлен президенту США Вильсону.

В июне 1916 г. представители тюркских народов России впервые принимали участие в работе «Конгресса европейских народов» в Лозанне. Это был третий конгресс, организованный «Союзом национальностей», международной организацией, чьим правопреемником сегодня является Федеральный Союз народов (национальных меньшинств) Европы, имеющий консультативный статус при ООН и Совете Европы.

Но в годы первой мировой войны европейские державы решали свои корыстные цели, и судьба тюркских народов, которые фактически оказались между двух огней, их по-настоящему не интересовала. Тюркский и мусульманский факторы в годы первой мировой войны стали лишь картами в большой политической игре – при необходимости их использовали, но никаких политических дивидендов сами тюрки в результате не получили.

В очередной раз надежды тюрко-мусульманских народов оживились в период русских революций 1917 г. С весны 1917 г. политическое движение тюрко-

мусульман особенно активизировалось – оно было воодушевлено революционными идеями. И все же в реальности оказалось так, что мусульмане в очередной раз стали марионетками в борьбе разных политических сил за власть. Если Временное правительство вообще не смогло отринуть прежние стереотипы, хотя и позволило мусульманам свободно обсуждать свои актуальные проблемы, то большевики охотно давали самые разные обещания, были готовы использовать исламский фактор в борьбе против «мирового империализма», но не спешили давать им политическую свободу внутри страны.

15-17 марта 1917 г., в первые дни после Февральской революции, в Петрограде по инициативе тюркских лидеров, в том числе татарских депутатов Государственной Думы, было сформировано Временное Центральное Бюро российских мусульман, которое должно было подготовить и созвать Всероссийский съезд мусульман. Этот съезд состоялся в Москве 1-11 мая 1917 г. В работе его приняло участие около 800 делегатов. Вопросы, обсуждавшиеся на съезде, были самые разнообразные: просветительские, нравственные, развитие школьной системы, положение женщин, продолжение реформ языка. Но все-таки наиболее актуальным для тюркских народов России был вопрос их политической перспективы. И как раз по этому вопросу и проявились наиболее глубокие разногласия среди делегатов: одна часть их поддерживала идею федерализма, которая предусматривала устройство России как федерации разных территорий; а другая, учитывая дисперсность расселения тюркских народов, выступала за реализацию проекта культурно-национальной автономии. Решения, которое устроило бы всех, на съезде принято не было, что и вызвало разочарование многих людей на местах. Какой-то общей идеологической платформы делегатами съезда так и не было выработано, и это, безусловно, значительно ослабило политическое движение тюркских народов России в 1917-

1920 г. Идеология тюркизма также не стала объединяющим фактором в данной ситуации.

В дальнейшем можно говорить о каких-либо соглашениях между представителями отдельных тюрко-мусульманских народов (например, на съезде в июле 1917 г. в Казани), но такие соглашения не охватывали всего тюркского мира. Поэтому постепенно каждый из народов уходил в мир своих внутренних проблем, касавшихся обустройства его территории и взаимоотношений с центральным правительством России. А это отдаляло тюркские народы друг от друга. Механизмы общетюркского единения не действовали, они по-настоящему не были разработаны и не привились в тюркском мире России. Здесь играли свою роль и географическая разобщенность, и различие конкретных интересов и целей отдельных национальных движений, и личные амбиции политических лидеров, и политика центральной власти России.

Интересно, что представители тюркских народов России обратились к Парижской мирной конференции 1919-1920 гг. с просьбой поддержать их политические устремления. Садри Максуди как глава Национального собрания (Милли меджлиса) представил конференции от имени 10 миллионов тюрко-мусульман меморандум, в котором предлагалось следующее: поставить России условием признание Конституции тюрко-татар Европейской России и Сибири, утвержденной меджлисом в Уфе. Согласно этой Конституции, мусульмане должны были стать равноправными гражданами России и получить автономию в религиозной и культурно-национальной сфере. Максуди предупредил участников конференции, что если у Турции отнять проливы и Стамбул, то страны Антанты приобретут врагов в лице многих миллионов мусульман России, симпатизирующих Турции, а это, в итоге, даст возможность более широкому распространению идей большевизма. Европейские державы, казалось бы, благосклонно восприняли

предложения мусульман: в апреле 1920 г. французский премьер-министр Мильеран принял Садри Максуди и Гаяза Исхаки и от имени французского правительства дал обещание поддержать национальные права тюрко-мусульман России. Тем самым французский премьер-министр фактически признал тюркское государство на территории Европейской России. Однако, довольно скоро все это было забыто. В 1922-1924 гг. Франция, Германия и Англия признали Советскую Россию без всяких особых условий. Тюрко-мусульманские лидеры (особенно находившиеся в эмиграции) были в исключительной степени разочарованы, почувствовав себя очередной раз обманутыми.

Очень коварно и хитро обошелся с национальным движением тюркских народов большевистский режим. Ряд политических мер – создание «советских автономий», обещания, игра на противоречиях между политическими деятелями, совершенно произвольное проведение границ между автономиями – привели к тому, что на карте Советской России (СССР) постепенно возникли небольшие тюркские «республики». Причем, в отношении тюрков с другими народами и между собой была подложена мина замедленного действия, взорвавшаяся уже намного позднее - в конце 1980 – начале 1990 годов. Именно большевики заложили основы современных конфликтов между татарами и башкирами, узбеками и киргизами, ногайцами и карачаевцами, ногайцами и кумыками. Именно с 20-х годов вряд ли можно говорить о каких-либо серьезных перспективах тюркского единства, в особенности на территории СССР, и потенциальная его основа, которая, очевидно, имела до революции 1917 г., была окончательно разрушена.

И все же в начале 20-х годов идеология тюркизма в какой-то степени сыграла свою интегрирующую роль в некоторых важных политических событиях в Закавказье и Средней Азии. Эти события связаны с именами Мустафы Чокаева и Энвера Паши.

Мустафа Чокаев (Чокай-оглы) (1890-1941) в 1917 г. возглавил правительство Коканда, просуществовавшее лишь до февраля 1918 г. В состав правительства входили представители разных тюркских народов, идейной основой его стала учение тюркизма. Когда Кокандская автономия была ликвидирована большевиками, борьбу против большевиков в Средней Азии активно продолжали так называемые басмачи, для которых идеи тюркизма также играли определенную роль.

Заключительным актом сопротивления тюркского мира порядкам, предлагаемым большевиками, стало движение, возглавляемое убежденным сторонником тюркизма Энвером Пашой (1881-1922). Энвер Паша являлся единственным представителем этой идеологии, который военными методами попытался претворить в жизнь свои взгляды, поэтому о его деятельности следует сказать подробнее.

Энвер Паша родился в 1881 г. в Стамбуле. С молодости он был связан с военной службой. Политические связи он поддерживал с революционно настроенными младотурками. Энвер Паша являлся членом подпольной младотурецкой организации в Салониках в 1906-1908 гг., и возглавлял повстанческие отряды на Балканах. Он активно участвовал в походе в Северную Африку в 1912 г. и Балканской войне 1913 г. Во время последней он возглавлял успешные военные операции под Адрианополем и Демоликой. В канун первой мировой войны Энвер Паша был назначен турецким военным атташе в Германии. Вообще авторитет Германии в Турции в то время был исключительно велик, и для многих пантюркистов образцом являлись пангерманские устремления Пруссии. В начале 1914 г. Энвер Паша стал военным министром в турецком правительстве.

Когда начались военные действия, Энвер Паша сосредоточил турецкие силы на кавказском направлении, но кампания зимы 1914-1915 гг. закончилась для турецкой армии катастрофой – она потеряла около 75 000 человек и почти всю артиллерию.

После этого Энвер Паша вернулся в Стамбул, а на фронте наступило временное затишье. Энвер Паша являлся главой военного триумvirата младотурок, который фактически руководил государством в годы первой мировой войны.

Если говорить о политических взглядах Энвера Паши, то следует отметить, что перспектива тюркского единства его привлекала с ранней молодости. Он считал необходимым полное объединение всех тюркских народов от Малой Азии до Дальнего Востока. Он мечтал о создании великого Тюркского государства со столицей в Самарканде. Еще до начала первой мировой войны Энвер Паша поддерживал связи с Исмаилом Гаспринским. Тогда же он создал свою организацию «Тешкилат-и махсуса» («Специальная организация»), которая действовала как служба внешней разведки и пропаганды. В состав организации входили офицеры турецкой армии, которые вели пропаганду идей тюркизма за пределами Турции. Представители Энвера Паши имели связи с бухарским эмиром, правителями Афганистана, направлялись в Иран и Индию.

Вновь в военном отношении Энвер Паша оживился в 1917 г. Его планы относительно объединения тюркских народов на Кавказе остались без изменения. Он живо поддержал стремление Азербайджана к независимости (республика в Азербайджане была объявлена в мае 1918 г.)

Когда в 1918 г. перед турецким правительством встала дилемма: сконцентрировать свои силы в Сирии и Месопотамии, там, где возникла серьезная военная угроза, или же отправить их в Азербайджан, Энвер Паша настоял на том, чтобы турецкие войска направились в Баку (примерно 6000 человек во главе с братом Энвера Паши – Нури Пашой). Штаб-квартира этих войск расположилась в городе Гяндже. Этот факт демонстрирует то, что интересы тюркского народа Азербайджана для Энвера Паши в данной ситуации оказались выше военной

целесообразности – войска в Сирии и Месопотамии потерпели поражение, и под вопросом оказалось само существование Османской империи.

Если Германия поначалу благосклонно относилась к турецкому походу в Закавказье, то летом 1918 г. немецкие политики решили, что получить азербайджанскую нефть для них будет проще, договорившись с Советской Россией. Так что турецко-азербайджанская армия осталась без немецкой поддержки, и все же 14 сентября 1918 г. она овладела Баку и продолжила свой поход вдоль Каспия. Эти события можно считать высшей точкой «пантюкистского» похода, потому что уже в октябре тяжелейшие последствия событий на сирийском фронте заставили турецкое командование вернуть свои войска на Босфор.

Хотя поход турок на Кавказе окончился неудачей, все же в начале 1918 г. турецкая делегация в Петрограде выступила с поддержкой усилий тюркского населения Закавказья к их отделению от России. Активно поддержала эту идею значительная часть азербайджанского населения и особенно представители национальной политической партии «Мусават», сформированной на идеологической базе тюркизма. Как известно, реализовать эти устремления не удалось.

После этих трагических событий, когда стало ясно, что дни монархии в Турции сочтены, когда в стране разворачивалось движение кемалистов, Энвер Паша и некоторые его сторонники бежали в Германию. Но в 1920 г. некоторое время он находился в Советской России, считаясь ее «другом», поскольку он активно боролся против английского и французского империализма на Кавказе. И в то же время взоры Энвера Паши теперь были обращены на Среднюю Азию, где он вознамерился «воссоздать» государство Тимура, и захватить Афганистан, Восточный Туркестан и Казахстан. В качестве конечной своей цели он видел поход на Индию, чтобы нанести смертельный удар британскому империализму.

В сентябре 1920 г. Энвер Паша принял участие в конференции представителей восточных народов в Баку, созванной по инициативе Коммунистического Интернационала. Большевики тогда активно заигрывали с восточными народами, с мусульманским миром, на который можно было опереться в борьбе против своих внешних врагов.. Значение, которое придавалось из Москвы этому форуму, подчеркивает тот факт, что в его работе приняли участие такие видные большевики, как Зиновьев и Радек, а также венгерский коммунист Бела Кун. Если Зиновьев обратился к делегатам с призывом к «священной войне» против империализма, то Энвер Паша со своей стороны сделал заявление о своей поддержке Советов в этой борьбе.

Осенью 1921 г. Энвер Паша организовал поход в Среднюю Азию, которую он видел как центр будущего Тюркского государства. Любопытно, что поддержали его военную инициативу и большевики – надеясь, что он подключится к борьбе против басмачества, а его авторитет будет способствовать популяризации коммунистических идей в Центральной Азии. Но Энвер Паша повел себя неожиданно. Он разорвал отношения с коммунистами, и заявил, что поддерживал большевиков лишь с целью использовать их в своей борьбе. И теперь уже в Бухаре он развернул борьбу за создание независимого тюркского государства. К нему присоединились вооруженные басмаческие формирования, он был провозглашен «эмиром Туркестана». Энвер Паша пользовался в Средней Азии огромной популярностью, что дало ему основание выразить «непоколебимую волю народов Бухары, Туркестана и Хивы жить свободно и независимо» и отправить Советскому правительству ультиматум с требованием признать независимость Туркестана. Энвер Паша продолжал свою борьбу до августа 1922 г., когда он погиб в одном из вооруженных столкновений. Хотя его соратники еще продолжали оказывать сопротивление советским войскам, со смертью Энвера Паши реально закончился тот

этап развития тюркизма, содержание которого определяли надежды на революционное освобождение тюркских народов от имперской диктатуры. По словам Ахмет-Заки Валиди, «Энвер Паша был идеалистом. В своей готовности отдать жизнь за независимость Туркестана он был также искренним до конца. Он достиг своей цели, и его имя навечно вплетено в историю Туркестана».

Тюркизм в 20-30-е годы (после провозглашения Турции республикой и создания СССР).

Хотя идеи тюркизма и стали во многом фактором, способствовавшим победе турецкой революции и установления республиканского правления, тем не менее, судьба этого идейно-политического течения в Турции в 20-30-е оказалась далеко не безоблачной. Первая мировая война выявила со всей очевидностью эфемерность надежд на создание единого мусульманского государства и единого государства тюркских народов. Сложившаяся международная обстановка – развал Австро-Венгерской и Османской империй, появление Советского государства и возникновение советских республик, освободительное движение колониальных народов – все это в какой-то степени поставило в тупик идеологов пантюркизма. К тому же в странах-победительницах господствовало мнение о том, что именно пантюркисты виноваты в массовых убийствах армян в Османской империи в 1915 г. (под этим предлогом даже в эмиграции некоторые из крупных турецких политиков, симпатизировавших тюркизму были убиты членами армянской партии Дашнакцутюн – так были убиты входивший в младотурецкий триумвират Талаат Паша - в марте 1921 г. в Берлине и Ахмет Джелал - в июле 1922 г. в Тбилиси)

Будучи союзником Германии в мировой войне, Турция фактически потерпела поражение и была к тому же вынуждена до 1923 г. вести настоящую войну за свою

независимость. Россия же, которая владела основными территориями проживания тюркских народов, не желала терять эти территории и показала свою потенциальную силу, что должно было насторожить Турцию и в будущем, если бы она вдруг вознамерилась возводить тюркизм в ранг своей официальной внешней политики.

В 1923 г. после долгой борьбы национально-освободительное движение во главе с Мустафой Кемалем Ататюрком уничтожило монархию и установило в Турции республиканское правление. Произошла так называемая кемалистская революция – объявление республики произошло 29 октября 1923 г. И в ходе этой революции обращало на себя внимание то, что идеология тюркизма (тюркского единства) постепенно трансформировалась в туркизм (турецкий национализм).⁶ Таким образом, в социальном плане Турция из религиозной монархии превратилась в светскую республику, а в этническом плане – из многонациональной империи в национальное турецкое государство.

Взгляды самого Ататюрка на нацию и национализм были довольно ясны. Он считал, что «нация – это человеческая общность, объединенная определенной культурой и ее свойствами, члены которой несут единые для всех обязанности и которая создала собственное государство. Когда народная масса становится способной построить свое государство, она становится нацией». Турецкий национализм Ататюрком характеризовался так: «Мы такие националисты, которые уважают все нации, сотрудничающие с нами. Мы признаем все проявления национализма других наций. Наш национализм лишен эгоизма и надменности. Мы, турецкие националисты, должны знать, что народы, лишенные национального самосознания, как правило, становятся добычей других народов. Невозможно покорить нацию, дух которой не сломлен». Национализм по Ататюрку – это идея единства народа в области языка, культуры, идея единства в печали, радости и общей судьбе. Этот национализм ограничен границами республиканской Турции, он

лишен стремления к политике авантюр и завоеваний. Это национализм, считающий все нации мира, решительно вставшие на путь независимости и свободы, единой семьей, уважающий права каждой нации, твердо защищающей права и достоинства своей нации.

Обратим внимание на то, что лидер турецкой революции ограничивает свой национализм географическими рамками. Если учитывать формулировку Ататюрка, то возникает два вопроса: Почему национальное чувство должно ограничиваться «границами республиканской Турции»? И как Ататюрк относился к сторонникам идеи тюркского единства, которых в Турции в начале 20-х годов было немало и которые, в общем, способствовали победе кемалистов?

Отвечая на первый вопрос, следует учитывать, что в проведении своей политики новый лидер Турции был исключительно прагматиком. Он хорошо представлял и взвешивал реалии того порядка, что сложился в международных отношениях по окончании первой мировой войны. Ататюрк сделал точные выводы из политических событий начала 20-х годов и прекрасно понял, что следование идеологии тюркского единства, сколь привлекательно бы она не была, явно не понравится Советской России (Советскому Союзу), поскольку будет затрагивать интересы миллионов граждан этого государства, и приведет в результате к конфликту с могущественным северным соседом. Это в планы Ататюрка не входило. Поэтому в 1921 г. в одной из своих речей он официально объявил о том, что отказывается от идеологии пантюркизма. По словам турецкого лидера, «ни исламское сообщество, ни туранизм не можем мы принять в качестве политической цели или в качестве разумной концепции».

С установлением республиканского строя в Турции изменились и взаимоотношения официальной власти с крупнейшими сторонниками тюркизма. Даже уважительно относясь к ним, сотрудничая с наиболее крупными тюркистами

(такими, как, например, Юсуф Акчура), власти не поддерживали их устремлений и способствовали пересмотру ими некоторых положений их теории.

Например, взгляды Зии Гёкалпа во многом легли в основу идеологии Ататюрка - можно здесь упомянуть очень схожее понимание соотношения интересов личности и общества. Но и взгляды известного тюркиста менялись с течением времени – знаменитый труд Гёкалпа «Тюркизироваться, исламизироваться, модернизироваться» является апологией тюркизма, но более поздние «Основы тюркизма» (1923 г.) основной упор уже делают на турецкий национализм (туркизм).

Юсуф Акчура в 20-е годы принял активное участие в кемалистском движении. Выше уже упоминалось, что он был избран депутатом национального собрания, получил статус советника Мустафы Кемалю Ататюрку. Он вступил в народно-республиканскую партию и принимал участие в международных делах. К тому времени он уже пересмотрел многие из своих прежних взглядов. Уже в сентябре 1919 г., выступая перед членами общества «Тюркский очаг» Акчура впервые говорил не о тюркизме вообще, а о двух разновидностях тюркизма: демократическом и империалистическом. Себя он именовал сторонником демократического тюркизма. С 1920 г. в своих работах Ю.Акчура уже не упоминает в своих трудах о тюркских народах СССР. Исключение составляет ежегодник «Тюрк йылы» («Тюркский год»), изданный в 1928 г., который, по выражению авторитетного немецкого тюрколога Готтхарда Йешке, стал последним проявлением пантюркизма во времена Мустафы Кемалю.

Те же тюркисты, которые не смогли или же не пожелали приспособиться к изменившимся условиям политической игры и в Турции подвергались гонениям. Скажем, в оппозиции к Ататюрку находился видный политический деятель и ученый-тюрколог Ахмед-Заки Валиди. В 1932 г. он был вынужден покинуть Турцию и отправился в Германию. Правда, после смерти Ататюрка в 1938 г.

давление на пантюркистов несколько смягчилось. Этому способствовала позиция нового президента Исмета Иноню. Именно тогда в Турцию смог вернуться Ахмед-Заки Валиди. С мая 1939 г. Реха Огуз Тюрккан начал издавать радикальный тюркистский журнал «Бозкурт». Вот как в журнале определялось его кредо: « Кто мы? Мы сторонники серого волка (Bozkurtcu). Что есть наша идеология? Тюркизм серого волка. Во что верят наши сторонники? Они верят в то, что тюркская раса и тюркская нация выше любой другой расы и любой другой нации. В чем источник такого убеждения? Тюркская кровь. С рождения ли тюрки превосходят других? Тюрк получает свою интеллигентность, свою храбрость, свой военный гений, свои воззрения и способности из своей крови. Являются ли сторонники серого волка тюркистами? Да, и святой целью тюркистов является создание государства шестидесяти пяти миллионов тюрков. Какие у тебя для того существуют правовые основания? Сторонники серого волка издавна действуют по принципу: Права не получают, права берут. Война? Да, война, если это необходимо. Война является великим и священным законом природы. Мы внуки воинов. Сторонники серого волка должны поднять войну, воинственность и героизм на высшую ступень величия».

Когда «Бозкурт» был запрещен, Р.Тюрккан организовал «Общество любителей книги», где продолжал пропагандировать свои идеи. В 1941 г. он вновь получил разрешение на издание журнала, который был снова запрещен и возродился в 1942 г. под названием «Гёк бюрю» (Небесный волк), а в 1946-1948 гг. под названием «Озлеиш» («Госка»). В сконцентрированном виде Тюрккан изложил свои взгляды в книге «Введение в тюркизм», изданной в 1940 г.: «Динамичная тюркская группа, состоящая из 20 миллионов турок в Турции и 100 миллионов в других странах на Севере и Востоке, не может больше жить в ожидании. Если тюркизм и Турция должны жить дальше, то они не должны терять время, а объединиться и создать

тюркскую нацию. Тюркисты не могут безучастно наблюдать за полным разрушением тюркизма и Турции. Что же делать? Если политические и исторические условия в очень скором времени не подскажут нам решения, то вначале мы должны решить проблемы Турции. Мы должны стать сильнее и поспешить в страну тюркского единства. В ближайшем будущем мы должны развивать тюркизм и создать свой союз. Может быть, уже завтра, а может быть и еще быстрее...».

Свою линию тюркизма Тюрккан вообще определял, как «политическую философию с признаками «расовой политики» (но отличающуюся от расовой политики национал-социализма), антифашизма, антикоммунизма, умеренного социализма и смесью нерелигиозного традиционализма и реформизма».

Что же касается Советского Союза, то здесь, в 20-30-е годы, в условиях все более укреплявшегося сталинского режима вообще ни о каких трансформациях, а, тем более, перспективах тюркизма говорить не приходится. Наоборот, здесь имела место лишь одна тенденция в исторической судьбе этого идейно-политического учения - отношение официальной власти к этой идеологии становится все более и более жестким. В 1921 г. на X съезде ВКП (б) пантюркизм и панисламизм рассматривались в контексте «буржуазно-демократического национализма». Но уже к середине 20-х годов тон оценок меняется: речь все чаще и чаще идет о «злостном» характере этих течений, об их связи с «феодално-байской реакцией», с происками английской разведки и «международного империализма». Критика пантюркизма принимает самые грубые и примитивные формы, даже в «научной» литературе в его адрес раздаются самые злобные проклятия. А тюркофобия зачастую возводится в ранг официальной политики и науки. Причем, с течением времени позиция становилась все более непримиримой. Для примера можно привести некоторые формулировки из Большой Советской энциклопедии. В первом издании (1947 г.)

этого справочника есть еще понятие «туранские народы» и говорится о том, что они обитают вокруг Туранского плоскогорья и образуют некую лингвокультурную общность. Во втором и третьем изданиях энциклопедии этого понятия уже нет, но есть понятие «пантюркизм», который характеризуется как «шовинистическая доктрина реакционной турецкой буржуазии, ставящей своей целью подчинение власти Турции всех народов, говорящих на тюркских языках. Апологеты пантюркизма путем фальсификации истории старались доказать выдвинутый ими тезис о «национальном единстве» всех тюркоязычных народов и об их «расовом превосходстве».

В Советском Союзе не существовало сколь-либо серьезного движения тюркистов, и идеология тюркизма не стала заметным политическим явлением.

Правда, можно упомянуть, что в 20-е годы среди части татарских коммунистов была распространена идея образования Республики Туран в центральной части России. В Туркестане была образована тайная организация «Эрк», возглавленная Тураром Рыскуловым и рассматривавшая Туркестан как независимое от России государство и как возможный центр Туранского государства.

В определенной степени проявлением тюркизма можно считать и так называемую «султангалеевщину», которая провозглашала свой, особый путь «национальных» коммунистов.

Но Советская власть сумела пресечь на корню все, даже слабые попытки тюркистов заявить о себе. В результате большинство национальных политических лидеров, заподозренных в принадлежности к «буржуазным националистам», было подвергнуто репрессиям.

Часть представителей национального движения тюркских народов СССР оказалась в политической эмиграции в разных странах. В первую очередь, обострение советско-польских отношений в 20-е годы дало возможность тюркским

эмигрантам сблизить свои позиции и вновь возродить надежды на благоприятную политическую перспективу. И именно в Польше режим Пилсудского оказал действенную помощь политической эмиграции в объединении и ведении активной антисоветской деятельности. Так возникла так называемая Лига Прометей, существовавшая с 1926 по 1939 гг. В полной мере ее нельзя рассматривать как продолжение тюркистского движения, так как, с одной стороны, она объединяла представителей практически всех нерусских народов СССР; а с другой стороны – не все представители тюрков безоговорочно разделяли идеологию тюркского единства. И все же в определенной степени и условно можно рассматривать прометеевское движение как одну из ветвей тюркского национально-освободительного движения в новых условиях, тем более, что единство действий всех народов рассматривалось как главное условие успеха в борьбе против советского режима, а деятели тюркского движения играли в Лиге Прометей ведущую роль.

Польское правительство с 1926 г. регулярно перечисляло значительные суммы на поддержание политической активности эмигрантов. Другие европейские державы, в особенности Англия и Франция весьма благосклонно относились к этой деятельности, поэтому прометеевское движение не ограничилось польской территорией и распространилось в разных странах Европы (Франции, Германии, Румынии и др.).

Прометеевское движение развернуло активную издательскую деятельность. На разных языках выходили журналы: «Прометей» (ежемесячник на французском языке, выходил в Париже и представлял интересы народов Кавказа, Украины и Туркестана); «Куртулуш» («Освобождение», ежемесячник партии Мусават на азербайджанском языке, выходил в Берлине), «Сакартвело» («Грузия», на грузинском языке в Париже), «Северный Кавказ» - «Шимали Кафкасия» (выходил на русском, турецком и некоторых северокавказских языках в Берлине), «Яна Милли

Юл» («Новый Национальный Путь», выходил на татарском языке в Берлине), «Яш Туркестан» («Молодой Туркестан», выходил на узбекском языке в Берлине), «Эмель» («Идеал», выходил на крымско-татарском языке в Констанце, Румыния) и др. Кроме регулярных журналов, издавались и политические брошюры, книги, в разных странах были созданы клубы Лиги Прометей, члены Лиги принимали участие в разных международных научных и политических форумах, где представляли интересы всех нерусских народов СССР. Крупными деятелями прометеевского движения являлись Мехмет Амин Расуль-Заде, Джафер Сеидамет, Гаяз Исхаки, Сеид Шамиль, Мустафа Чокай, Осман Ходжа и др.

Три идеи были краеугольным камнем идеологии прометеизма: свобода наций, категорический отказ от сотрудничества с советским режимом, объединения всех тюрков и других нерусских народов в общей борьбе. Это движение просуществовало до самого начала второй мировой войны

Таким образом, 20-30-е годы можно определить как время серьезнейшего кризиса идеологии тюркизма. Политический прагматизм турецкого руководства не давал ему возможности оказывать тюркистскому движению широкой поддержки, и оно было вынуждено серьезно пересмотреть свое отношение к идеалам тюркизма. Романтизм первоначального тюркизма был разрушен, он трансформировался в форму, пригодную для нужд практической политики. А для Советского государства тюркизм (пантюркизм) вообще оказался одной из тех доктрин, которые признавались исключительно враждебными. В результате в СССР сложилась масса стереотипных и зачастую фальшивых представлений о сущности тюркистской идеологии, которые в 30-е годы привели к самым трагическим последствиям – все обвиняемые в принадлежности к пантюркизму были подвергнуты репрессиям как «враги народа».

Тюркизм в годы второй мировой войны. Тюркизм и нацистская Германия.

Сюжет о связи идеологии тюркизма с Германией в годы второй мировой войны, безусловно, сюжет довольно своеобразный, но он не имеет никакого отношения к одному из устойчивых стереотипов советского времени, когда понятия «фашизм» и «пантюркизм» практически воспринимались как синонимы.

Здесь имело место весьма любопытное явление. Если мы говорим и соглашаемся с тем, что в 20-30-е годы в Турции и Советском Союзе, где и проживали представители тюркских народов, тюркизм как политическое течение находился в кризисном положении, то в конце 30-х – начале 40-х гг. XX в. Германия по-своему попыталась реанимировать, оживить идеологию пантюркизма и инструментализировать его в своих интересах. Такой «прагматический» подход заслуживает отдельного и более подробного упоминания.

Турецкая и общетюркская проблематика в принципе всегда привлекала немецких исследователей, даже в период первой мировой войны и после ее трагического для Германии окончания. И в оценках тюркизма (в исследовательской литературе и официальных документах чаще использовался термин «пантуранизм» или «туранизм») тон исследователей был разным. Так, в 1918 г. ориенталист Карл Броккельман очень пессимистически отзывался о шансах пантюркизма среди российских тюрков. Иначе подходил к этому вопросу Карл Випперт. В своей публикации 1922 г. он полагал, что европейцы еще пока очень мало знают о тюркских народах, которые в будущем, по его мнению, смогут играть серьезную роль в политической судьбе Европы. Как ни странно, Випперт вообще считал, что туранская идея еще не созрела окончательно и не овладела массами и что вполне возможно в ближайшем будущем «извержение народного вулкана» с целью создания великого Туранского государства от Константинополя до Волги и до гор

Алтая. По мнению немецкого автора, в 20-е годы сторонников столь радикальной идеи не так много, а спектр мнений среди тюркистов слишком широк: одни из них уповают на слабость, скорый развал Советского государства и советско-английские противоречия, другие – мечтали о расширении самостоятельности возникших советских республик. И все же, туранизм вполне мог стать «значительным фактором в борьбе политических сил Европы».

Как мы знаем, прогноз немецкого ориенталиста не оправдался. Но, по-видимому, у Випперта были сторонники, в том числе и среди политического руководства Германии, так как в конце 30-х годов в Германии заметно усилился интерес к тюркскому фактору. Возможно, этому интересу способствовал и крайний радикализм отдельных тюркистов, и национал-социалистские теоретики видели в них «братьев по духу», на которых можно будет рассчитывать при реализации далеко идущих внешнеполитических планов.

То, что тюркский фактор еще не был окончательно забыт в международных отношениях и на европейском уровне свидетельствует и следующее. Уже после начала второй мировой войны, в 1939-1940 гг. Англия и Франция по своим дипломатическим каналам пытались заинтересовать Турцию в поддержке пантюркизма, чтобы под этим предлогом она вступила в войну против СССР – французский посол в Турции Массильи получил специальные предписания на этот счет. Финский посол в Будапеште по настоянию французов и англичан посетил Анкару и настоятельно советовал турецкому правительству обратить внимание на советских тюрков, которые ждут «освобождения от советского ига». Но Турция довольно жестко стояла на нейтральной позиции и не поддавалась уговорам.

В Германии внимание к тюркскому фактору стало особенно заметным в период подготовки и после нападения на Советский Союз, так как, во-первых, стало возможным привлечь многочисленные тюркские народы к «борьбе против

большевизма»; во-вторых, разыгрывая тюркскую карту, можно было оказывать и давление на Турцию, которая не спешила вступать в войну против СССР.

Уже в апреле-мае 1941 г. в германском МИДе были назначены чиновники, ответственные за работу с различными народами Советского Союза. Правда, уже тогда некоторые авторитетные дипломаты высказывались скептически относительно перспектив такой работы. Бывший до 22 июня 1941 г. послом в Москве фон Шуленбург и советник посольств Хильгер предупреждали: «Вызывает сомнение, что в СССР под влиянием немецких военных успехов «автоматически» возникнет пантюранистское движение, так как здесь отсутствуют предпосылки для этого. В широких массах мусульманского населения в СССР пантюранистская идея не имеет притягательной силы». Еще раз Хильгер подтвердил это мнение уже после начала войны против СССР: «Разве что азербайджанцев может привлечь пантюранистская агитация, а казанские и крымские татары, хотя и являются мусульманами, из этой агитации выпадают, потому что соответствующие идеи им чужды».

Очень своеобразные аналитические материалы о пантюркизме (пантюранизме) родились тогда в недрах германского Министерства иностранных дел. Одну из справок, выдержанную в строго пантюркистском духе, составил сотрудник Министерства Алимджан Идриси в конце июня 1941 г. Вот как здесь представлена ситуация.

После окончания войны тюркский народ, насчитывающий в СССР 27-30 миллионов человек, получит, наконец, возможность создать свое единое государство. В СССР же этот народ был искусственно разделен на отдельные республики = Узбекистан, Казахстан, Киргизия, Татарстан, Башкирия, Таджикистан и др. По мнению автора, это разные племена одной семьи восточных тюрков, и разница в их языке гораздо меньше, чем разница между саксонским, вюртембергским и баварским диалектами немецкого языка. Идриси резко

критиковал тех эмигрантских лидеров, которые мечтали создать «сепаратистские» государства – Крым, Азербайджан, Татарстан и Башкирию. По его мнению, не только население, но и даже коммунисты, ставленники Сталина, хотят создать единое тюркское государство, поэтому Германия должна оказать им всемерную поддержку. «Сепаратистами» Идриси именовал крупнейших представителей тюркской политической эмиграции из СССР – Гаяза Исхаки, Мехмет Амин Расуль-Заде, Мустафа Чокай, Абдул-Гани Усман, Джафер Сеидамет, Ахмед-Заки Валиди, Рашит Рахмати.

Еще один крупный чиновник МИД, фон Хентиг, в первые дни войны встречавшийся со многим тюркскими эмигрантами выражал мнение, что тюркские народы в СССР до сих пор сохранили свою организацию и имеют надежных людей в России и Турции.

Очень оптимистичен в оценке перспектив сотрудничества Германии с пантюркистами был и немецкий посол в Турции фон Папен. В отличие от Шуленбурга и Хильгера он считал, что с немецкими военными успехами в войне против СССР автоматически будет возрастать и пантуранистское движение, что каждый из тюрков имеет ясно выраженное расовое и племенное самосознание и питает большие надежды на Германию.

5 августа 1941 г. посол фон Папен подготовил по поручению МИДа справку о пантуранизме и пантуранистском движении в Турции. Он снова отмечал, что в Турции заметно вырос интерес к этой проблеме, а лидеры пантуранизма (тюркизма) все активнее выступают за изменение границ Турции. Среди лидеров движения он называл Шюкрю Ембагче, Нури Киллигиля (брат Энвера Паши), Ахмеда-Заки Валиди, Джафера Сеидамета, Мемдуха Шевкета, генерала Хюсю Эмира Эркилета. По мнению дипломата, Турция будет поддерживать стремление восточных тюрков по созданию независимого государства, но под своим собственным влиянием.

Поэтому Германия, ведя войну против СССР, должна учитывать возможность возникновения сильного государства на юго-востоке. Тюркские народы смогут стать опорой в борьбе против славян, так как они не связаны с ними родством происхождения.

В тот же день, 5 августа, турецкий посол в Берлине Герере нанес визит в Министерство иностранных дел и допустил во время беседы некоторые вольные высказывания: он заявил, например, о возможности активной антисоветской пропаганды через тюркские народы СССР и о создании в будущем, по крайней мере, на Кавказе буферного тюркского государства, а к востоку от Каспия – Туранского государства. Но уже через две недели, во время встречи с германским министром иностранных дел фон Риббентропом посол был куда более осторожен – он пояснил, что его страна не имеет никаких амбиций вне ее настоящих границ (вспомним точку зрения Ататюрка о тюркизме!), добавив, правда, «по крайней мере, не в своей официальной политике».

Итак, сказанное свидетельствует о том, что в самом начале войны интерес со стороны Германии к пантюркизму был налицо. Создается впечатление, что руководство германской дипломатии считало туранистов влиятельной и авторитетной силой в Турции, способной оказывать влияние на официальную Анкару в деле военной поддержки Германии под видом заботы о судьбе своих тюркских братьев. При этом, однако, турецкое правительство открыто дистанцировалось от пантюркистов, проявив большую осторожность. Потенциал пантюркистского движения в Турции в то время был невелик, он сводился, скорее всего, к деятельности отдельных личностей, среди которых особое место занимал Нури Паша или Нури Киллигиль, брат Энвера Паши, преуспевающий фабрикант.

С самого начала войны он проявил особую личную заинтересованность в решении тюркского вопроса в ходе войны и в сентябре 1941 г. посетил Берлин, где

провел переговоры с представителями внешнеполитического ведомства. В МИДе об этом визите был составлен подробный отчет, который отражает представления о пантюркизме (пантуранизме) в нацистской Германии.

По мнению автора отчета Верманна, пантуранистское движение имело целью создание самостоятельных государств тюркских народов. Несмотря на то, что оно предполагало изменение ныне существующих границ, Турция не намеревается аннексировать их территории, а будет оказывать лишь политическую поддержку. Речь шла при этом, в первую очередь, об Азербайджане и Северном Кавказе, затем о Крыме и Поволжье, и лишь затем о Средней Азии (Туркестане). Нури Паша заверял германский МИД, что официальное турецкое правительство придерживается концепции Ататюрка о чисто национальном государстве лишь из практических соображений, что это лишь политика целесообразности, в основе которой лежит страх перед Советским Союзом. Теперь же, когда Германия успешно ведет войну против СССР, этот страх не имеет под собой оснований. И в то же время, по мнению турецкого эмиссара, турецкие политические амбиции не носили территориального характера.

Германский дипломат считал, что Турция сможет реализовать свои пантуранистские идеи только с помощью Германии, т.е. пантуранистски настроенная Турция должна одновременно быть и прогермански настроенной Турцией, поэтому в интересах Германии оказывать поддержку этому национальному движению. Во время бесед с Нури Пашой речь шла и о судьбе военнопленных красноармейцев, представителей тюркских народов СССР. Нури Паша предложил отделять их от прочих военнопленных и впоследствии создать из них военные формирования, которые могли бы стать передовыми отрядами тюркского национального движения (Кстати говоря, именно с конца августа – в сентябре 1941

г. подобные мероприятия по отделению тюркских военнопленных осуществлялись в большинстве лагерей для военнопленных красноармейцев).

В октябре 1941 г. в МИДе Германии был назначен специально ответственный за пантуранистское движение дипломат В. фон Хентиг. И он составил очередную справку о туранизме, в которой дал рекомендации, как Германия может использовать пантуранистов в своих собственных интересах: через радиопропаганду, листовки, издание журнала для мусульманских военнопленных латинскими буквами на «диалекте Гаспринского», засылка шпионов в области, населенные тюрками, активная работа с тюркскими военнопленными, подготовка их к использованию на стороне Германии. Чисто политическая поначалу проблема тюркского единства, таким образом, все явственнее перерастала в проблему военную, проблему использования тюркских военнопленных в военных действиях против СССР.

Фон Хентиг проявил себя и крупным «теоретиком» в изучении тюркистского движения. Он выступил вообще против применения терминов «туранизм» или «пантуранизм», поскольку считал их неудачными. Он предлагал заменить их термином «тимуризм» или «чагатаизм». Правда, фон Хентиг отмечал, что работа МИДа должна быть ориентирована на народы, которые в географии ранее объединялись термином «Татария», чтобы пробудить в них чувство принадлежности к одному народу.

Надо сказать, что в первой половине 1942 г. возрос, как ни странно, и интерес германской общественности к проблеме пантуранизма: в отдельных газетах появилось немалое количество информативных материалов под названием «Туран» или «Туранский идеал». Некоторые из авторов пытались предоставить учение тюркизма (туранизма) как родственное национал-социализму. Статьи в научном журнале опубликовал и фон Хентиг. Он опять предлагал внести ясность в

терминологическом плане. Употребление понятия «Туран» он считал уже устаревшим: «Туран так и остался страной мечты, и от него сохранились разве что какие-то следы в Венгрии да и певческие праздники в Эстонии и Финляндии». Поэтому вместо «туранизма» он вновь предлагает «чагатазим», так как «тюркские племена к востоку от Волги, от Урала и до центра Монголии были завещаны Чингизханом своему второму сыну Чагатаю. А территории от Волги и до Великой Китайской стены следовало бы, как и на старых картах, именовать Татарией». В другой публикации фон Хентиг вновь подчеркивает: «Туран – это страна мечты, Туркестан – географическая территория, но такой страны и языка нет, татары же – реальный тюркский народ, обладающий особыми духовными силами и который уже встречался в истории», Автор вообще предлагал употреблять термин «татары» в отношении всех восточных тюрков, включая даже узбеков и таджиков. Фантастичность и нереальность подобных предложений была, однако, очевидной.

Перерастание вопроса о пантуранизме из сферы политической и дипломатической в сферу военную, споры о том, какое ведомство должно отвечать за реализацию этой проблемы, постепенное осознание того, что сильное пантюркистское движение – это лишь выдумка некоторых дипломатов, привели к середине 1942 г. к разочарованию нацистского руководства. Желательного, но остававшегося тем не менее чисто теоретическим объединения тюркских народов, тем более под эгидой «дружественной» Турции явно не получилось. Интерес к пантуранизму упал, и в сентябре 1942 г. Гитлер приказал представителям МИДа прекратить контакты с пантуранистами по вопросам будущего Закавказья и Средней Азии.

Определенная активность Германии в вопросе о политических перспективах пантюркизма не прошла без внимания и официального турецкого руководства в годы войны. Оно не оказывало никакой поддержки пантуранистам, но и из виду их

никогда не упустило, занимая в начальный период выжидательно-благожелательную позицию. При этом турецкие власти особенно внимательно следили за развитием обстановки на советско-германском фронте. Политика их в указанной сфере была двойственной, и объяснение тому представляется вполне логичным: с одной стороны, Турция никак не могла забывать, что в Советском Союзе проживают миллионы представителей тюркских народов и, конечно, симпатизировал им, но и открыто поддержать тюркистские идеалы она не могла, ибо страх перед могучим соседом был очень велик.

Когда германский посол фон Папен спросил у турецкого президента Иноню его мнение о территориальных притязаниях пантуранистов, то Иноню дипломатично ответил, что он желает обсудить этот вопрос только тогда, когда русский поход германской армии даст действительно заметный результат (это было в августе 1941 г.). В апреле 1942 г. министр иностранных дел Турции Сараджоглу заявил, что Турция не может официально поддержать Германию в решении пантуранистского вопроса, но дает разрешение неофициальным лицам устанавливать контакты с Германией по этому вопросу. Тогда же он сказал: «Это самой собой разумеется, что Турция не может быть не заинтересованной в судьбе 40 миллионов человек тюркского происхождения в России. Из географических соображений в будущем переустройстве России вряд ли возможно объединение этих областей с Турцией. Может быть, однако, что они могли бы получить самоуправление с сильным турецким влиянием. Затем было бы необходимым отправить тысячи молодых людей из этих областей в Турцию, чтобы создавать тюркское самосознание у угнетенного населения».

Когда же изменилось положение на фронте, изменился и тон турецких политиков. В июле 1943 г. депутат национального собрания Садак выступил с резкой критикой пантуранистов: «Турецкая внешняя политика не имеет никаких

расистских и империалистических целей. Подобное свойственно лишь примитивным обществам, которые базируются на племенной или религиозной принадлежности. Хотя Турция – националистическая страна, но она не настроена ни пантюркистски, ни панисламистски. Стремиться к объединению всех тюрков или мусульман – это было бы не только утопично, но и против основных принципов турецкой внешней политики». И в периодической печати зазвучала усиливающаяся критика идей пантюркизма: досталось, например, Гаязу Исхаки, Ахмед-Заки Валиди и Мухаррему Февзи Тогаю, которые «своей пантуранистской пропагандой наносят огромный вред нейтральной политике Турции». В мае 1944 г. официальное заявление сделал и президент Иноню: «Мысли о Туране вредят нам. Со времени нашего национального освобождения нас связывает дружба с Советами. Наша национальная политика стоит далеко от мысли искать приключений вне пределов страны. Туранисты являются бессовестными подстрекателями и совратителями молодежи. Против их мыслей, которые могут привести нас только к несчастью, мы будем защищаться со всей силой». Тогда же в Турции были арестованы многие видные представители пантюркизма: Реха Огуз Тюрккан, Абдулкадыр Инан, Мухаррем Февзи Тогай, Ахмед-Заки Валиди, Акдес Нимет Курат, Хюсюн Эмир Эркилет и др. В сентябре 1944 г. в Стамбуле состоялся судебный процесс над арестованными «подстрекателями», против которых было выдвинуто обвинение в распространении расистских пантуранистских взглядов и в основании тайных обществ. Процесс продолжался до марта 1945 г., когда большинству обвиняемых был вынесен приговор – принудительные работы сроком от двух до десяти лет. Правда, в октябре того же года приговор был отменен военным судом. Но факт остается фактом: пантуранизм (пантюркизм) в Турции, который и до этого был не в чести, вообще надолго сошел с политической арены этой страны.

Важно отметить, что пантуранизм в первые годы второй мировой войны стал картой в военно-политическом противостоянии Германии и СССР, в которое была втянута и Турция. На поверку это было абсолютной утопией, мифом, пантюркизм не был сильным, единым политическим течением, пантюркисты не пользовались официальной поддержкой турецкого руководства, да и интерес Германии к этой идеологии был исключительно корыстным. Это дало основание тому, что в СССР особенно активно распространялась идея о том, что пантюркизм – это то же самое, что и фашизм, а пантюркистов официально именовали не иначе, как «фашистским агентами». На первый план выдвигался лишь попытки Германии использовать идеологию пантюркизма в своих военно-политических планах. И этот стереотип оказался очень живуч.

Эволюция учения тюркизма после второй мировой войны.

Когда закончилась вторая мировая война, судьба учения тюркизма в Турции и СССР оказалась в какой-то степени схожей. В СССР никаких открытых проявлений тюркизма не было – ни программных идеологических сочинений, ни организаций, ни тем более открытых народных выступлений. Контакты между тюркскими республиками СССР жестко контролировались, проходили лишь под флагом коммунистической идеологии и «братской дружбы народов». В Турции эта идея как идея солидарности тюркских народов официально также не культивировалась и не приветствовалась в качестве общественной идеи, а в качестве элемента государственной политики даже запрещалась. Понятно, что ни о каком сотрудничестве Турции с тюркскими республиками СССР также не могло быть речи. Как и прежде, страх перед СССР был велик, к тому же турецкие руководители

опасались, что через контакты с республиками СССР в Турцию могут проникать коммунистические элементы.

И все-таки в Турции тюркизм не заглох совсем, хотя и сводился, в основном, к деятельности отдельных личностей. Среди таких личностей можно назвать Нихалья Атсыза (1905-1975), Алпарслана Тюркеша (род. в 1917 г.) и Турана Язгана (род. в 1939 г.)

Выпускник Стамбульского университета, разносторонне одаренный журналист, писатель, педагог Нихаль Атсыз вел очень активную и открытую тюркистскую деятельность в 50-60-е годы. Свои взгляды он изложил в ряде программных статей, которые впоследствии были включены в сборник «Тюркский идеал», увидевший свет в 1972 г.

По его мнению, тюркизм – это тюркский национализм, любовь к тюркам и всему тюркскому, это «идеал безусловной власти тюркских народов на обширнейших тюркских землях». Тюркист – это человек, ставящий национальные интересы выше личных, уважающий прошлое своего народа и его национальные святыни, обладающий высокой нравственностью, бесстрашно воюющий с несправедливостью. Из всех идейных доктрин и течений, существующих в Турции, только тюркизм – течение, являющееся местным и истинно национальным. Все остальные привнесены были извне.

«Мы - не тюркский народ, мы - тюркская нация»,- утверждал Нихаль Атсыз. Он считал, что понятия «народ» и «нация» не являются синонимами. Народ – это общность людей, которая существует в данный момент, а нация существовала, существует и будет существовать. Нация – это некое сильное сообщество, происходящее из глубины веков, добившееся побед и создавшее свою культуру, обладающее идеалом для будущего. Народ, в сущности, лишен сознания. Нация же обладает своим национальным сознанием. Она знает, что и для чего она делает.

Тюркская нация по Атсызу - понятие, которое невозможно ограничить политическими границами определенных государств, это созидательная нация, живущая на территории от Эгейского моря и Дуная до Алтайских гор. Ученый подверг резкой критике национальную политику турецких властей, упрекая ее в пассивности. Он объяснял это тем, что принцип Ататюрка «Мир в стране, мир в мире», сформулированный им в определенных исторических условиях и в определенную эпоху, был канонизирован последующими политиками без поправок на изменение политической ситуации. Ради мира были брошены на произвол судьбы колонизированные тюркские народы за пределами Турции. Большой тюркский мир отрицался, так как считалось, что любая заинтересованность тюрками, живущими за пределами Турции, может привести к раздражению и беспокойству тех стран, в которых они проживали. Тюркизм не является политическим явлением. Но Атсыз считал, что в будущем он может принять и политические формы, и сможет так спасти и объединить всех тюрков.

Хотя Атсыз и стремился придать учению тюркизма политический оттенок, он не был настоящим политиком, и это его пожелание и стремление так и осталось декларацией.

Военный по образованию и политик, руководитель Партии национального действия Алпарслан Тюркеш выдвинул политическую доктрину «девяти лучей» (принципов) (Dokuz Isik), которой следовало бы придерживаться в политической деятельности. Это следующие принципы: 1.Национализм; 2. Идеализм; 3. Нравственность; 4. Научность; 5. Солидаризм; 6. Политика по отношению к деревне; 7. Развитие свободы и личности; 8. Прогресс и народность; 9. Индустриализация и технизация.

А.Тюркеш является одним из тех деятелей, которые пытались привнести идеи тюркизма в реальную практическую политическую жизнь. Он сам объяснял это тем,

что тюркизм, распространяемый в рамках духовно-культурной деятельности, официальные власти всегда держали под неусыпным контролем, и, как только эта деятельность выходила за рамки их контроля, они наносили удар по тюркизму. В таких условиях, считал А.Тюркеш, националисты были вынуждены избрать путь завоевания политической власти. Такие представления воплотились и в реальные дела. В 1965 г. А.Тюркеш основал Партию Национального движения (Milli Hareket Partisi), которая открыто включила тюркистские цели в свою программу. Возникновение этой партии исследователи считают первым практическим проявлением тюркизма после окончания второй мировой войны. Вообще идея политического, партийного оформления идеологии тюркизма в послевоенной Турции получила продолжение. Так, возникла и Исламская Консервативная партия (Milli Selamet Partisi), взявшая на вооружения принцип привлечения консервативных кругов общества к идеям тюркизма через мусульманскую религию, что напоминает стратегии тюркистов начала XX в..

Интересно отметить, что А.Тюркеш по сравнению со многими своими предшественниками существенно дополнил и развил понятие «нация». Он считал, что нация – это человеческая общность, прошедшая общий исторический путь, обладающая общим историческим сознанием, общей религией, культурой, создавшая и защищавшая государство, являющаяся хозяином общего государства и проживающая под его флагом и в его границах.

Ученый-экономист Туран Язган в настоящее время руководит Фондом по исследованию тюркского мира, образованным в 1980 г. Если А.Тюркеша можно считать тюркистом-политиком, то Т.Язган - тюркист в области культуры, просвещения, образования, науки и искусства. Он и руководимый им Фонд в настоящее время вносят значительный реальный вклад в дело культурного сближения между различными тюркскими народами, в культурный обмен.

Благодаря Т.Язгану многие ученые тюркского мира смогли познакомиться друг с другом на различных съездах и конференциях, деятели искусств смогли продемонстрировать свои достижения перед коллегами из разных стран. Фонд издает два ежемесячных журнала «Исторический журнал тюркского мира» и «Исследования тюркского мира», а также отдельные сочинения посвященных истории и культуре тюркских народов. Турана Язгана смело можно именовать представителем «культурного тюркизма».

Если говорить о развитии тюркистских идей в СССР и России в последние десятилетия, то можно говорить об определенном оживлении в этом направлении с начала 1990-х годов. По инициативе известного казахского поэта Олжаса Сулейменова в Москве летом 1990 г. был проведен 1-й съезд народов Востока СССР, на котором большинство составляли представители тюркских народов. Основной целью национальных движений и организаций съезд провозгласил их сотрудничество и координацию деятельности в сфере сохранения и развития языков и культур своих народов, а также сотрудничество в политической сфере. Съезд провозгласил создание Ассамблеи народов Востока (АНВ).

В апреле 1991 г. в Казани прошел 2-й съезд АНВ, который переименовал Ассамблею в Ассамблею тюркских народов (АТН). Председателем АТН стал татарский политик и ученый Рафаэль Мухамметдинов, которого можно считать наиболее активным и последовательным сторонником идеологии тюркизма в современном Татарстане и одним из авторов идейной концепции АТН. Ниже приводится раздел принятой в 1991 г. программы АТН, посвященный характеристике тюркизма и современного его состояния и дающий возможность яснее представить взгляды современных сторонников этого идейного течения и его эволюцию в последние годы существования СССР.

«В результате сталинской политики разделения народов была разрушена общность тюркских народов. Превратное толкование истории, изъятие из нее страниц, общих для всех тюрков, создание десятка различных алфавитов, создавших преграды между тюркскими языками, установление искусственных государственных и административных границ, не совпадающих с этническим расселением, ранжирование народов, ограничение общения между ними, запугивание советских людей «пантюркизмом» - все это составило суть политики разделения тюркской общности. Народы, свободно понимающие друг друга, с общей историей и культурой, стали чужими, а кое-где даже пролили кровь своих братьев. Ассамблея видит свою задачу в возрождении всех нарушенных связей между тюркскими народами.

Тюркский мир, как особая историческая реальность, сформировался в эпоху средних веков. В эту эпоху были заложены основы единства материальной и духовной культуры, система моральных ценностей и менталитета, сформировалась тюркская цивилизация.

Тюркский мир выжил как этнокультурная общность и с конца XX века проявил способность к адаптации к новым требованиям общественной жизни.

Обновление охватило прежде всего Турцию – единственное в мире независимое тюркское государство, раньше других тюрков преодолевшее своих внутренние проблемы и выдвинувшееся в ряд экономически развитых современных государств. Наступило время освободиться от ига административно-командной системы и советским тюркам. Вы – наследники великой тюркской цивилизации, стомиллионная общность, имеющая собственное лицо и собственное имя – тюрк.

Ассамблея взяла на себя задачу консолидации тюркских народов путем выработки линии всех тюрков в области реализации права каждого тюркского народа на самоопределение, на обретение суверенитета, на равноправное

экономическое сотрудничество и защиту своих интересов, оказание взаимной помощи в подъеме культур. Основным принципом объединения тюркских народов должно быть их равноправие».

В программе также есть разделы, посвященные религии, политической жизни и экономике

3-й съезд АТН прошел в Чебоксарах в сентябре 1993 г. Съезд принял дополнения к программе, связанные прежде всего с крупнейшими политическими изменениями в мире, произошедшими после развала СССР и образования пяти независимых тюркских государств. В понимании участников съезда тюркский мир в будущем мог бы стать стабилизирующим фактором в отношениях Востока и Запада. Новым председателем АТН был избран чувашский политик Вячеслав Тимофеев.

Тюркистское движение, направление на установление тесных связей между различными тюркскими народами, и в последние годы проявляет значительную активность, оставаясь заметным фактором внутренней жизни многих государств СНГ

Если говорить о перспективах тюркизма, то их, вероятнее, всего можно лучше видеть в культурно-просветительской сфере. О каком-либо потенциальном политическом объединении тюркских государств и народов в будущем можно говорить чисто гипотетически. За десятилетия жизни врозь, в условиях коммунистического режима, когда связи в политической сфере были просто невозможны, когда обвинение в национализме считалось одним из самых тяжких грехов, за то время, когда возникли независимые тюркские государства в Центральной Азии, тюркские народы прошли разный путь, который не сближал, а, наоборот, отдалял их друг от друга. Поэтому и возможным, и плодотворным является в настоящее время аспект культурно-просветительский, связи в сфере культуры, просвещения, науки и искусства, в которых у тюркских народов есть

немало точек соприкосновения и которые призваны по-настоящему сближать духовную жизнь этих народов. И в то же время тюркские народы и сегодня могут поддерживать созидательные политические шаги друг друга, направленные на реализацию прав народов на самоопределение и свободное и демократическое развитие.

Рекомендуемый список источников и литературы:

1. Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. – М., 1931.
2. Валиди-Тоган З. Воспоминания: Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрков за национальное бытие и сохранение культуры. – Кн. 1. - Уфа: Китап, 1994; Кн. 2. - Уфа: Китап, 1998.
3. Гаспринский И. Россия и Восток. - Казань: Фонд Жиен - Татарское книжное изд-во, 1993.
4. Зареванд. Турция и пантуранизм. – Париж, 1930.
5. Мухамметдинов Р.Ф. Зарождение и эволюция тюркизма: Из истории политической мысли и идеологии тюркских народов; Османская и Российская империи, Турция, СССР, СНГ 70-е гг. XIX в. – 90-е гг. XX в.). – Казань: Заман, 1996.
6. Червонная С.М. Единство в языке, делах и вере: испытание временем // Ас-Алан. - 2001. - № 2(5). – С. 388-425.
7. Hostler, Ch.W. Türken und Sowjets. Die historische Lage und die politische Bedeutung der Türkervölker in der heutigen Welt- Frankfurt/Main; Berlin 1960.

8. Landau, J. Pan-Turkism in Turkey. A Study of Irredentism. London 1981.
9. Zenkovsky, S. Pan-Turkism and Islam in Russia. Cambridge/Mass. 1960.